

Борисоглебский, 6. Из лирического дневника 1914–1922. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://tsvetaevamarina.ru/> Приятного чтения!

Борисоглебский, 6. Из лирического дневника 1914–1922. Марина Ивановна Цветаева

К читателю

Два дерева хотят друг к другу.

Два дерева. Напротив дом мой.

Деревья старые. Дом старый.

Я молода...

Марина Цветаева

«Дом, в котором Марина Цветаева переросла „поэтессу“ и выросла в поэта, существует до сих пор»[1], – писала в своих воспоминаниях дочь Цветаевой Ариадна Сергеевна Эфрон.

В сентябре 1914 года двадцатидвухлетняя Марина Цветаева сняла для своей семьи – мужа Сергея Эфрона и дочери Али – квартиру в доме № 6 по Борисоглебскому переулку на Арбате, в центре Москвы. Рядом была Собачья площадка, на углу Поварской – церковь Бориса и Глеба, напротив дома росли два тополя. В обыкновенном доме она нашла необычную квартиру. «Квартира наша... была путаная, неудобная и уютная, настоящая старая московская. В ней были тёмные коридоры, закоулки; чтобы добраться до ванной и кухни, нужно было подняться по крутой лесенке наверх...» Это «самое волшебное и удивительное жилище, какое только можно вообразить»[2] знало разные времена: вначале уютное, добротное обставленное, с нянями и прислугой, после революции оно стало холодным, темным и запущенным.

В этой квартире Цветаева прожила около восьми лет, до мая 1922 года, когда она вместе с десятилетней дочерью уехала из советской России в Германию, чтобы воссоединиться с мужем-эмигрантом. Эти годы пришлись на самое трагическое время в истории страны: Первую мировую войну, две революции, Гражданскую войну, расколовшую общество и разлучившую семьи. Сергей Эфрон, медбрат во время мировой войны, участник боев с большевиками в Москве в октябре 1917-го, уехал на Дон в Добровольческую армию генерала Алексеева и, пройдя весь ее боевой путь, оказался в эмиграции. Оставшись одна с двумя детьми – младшая дочь Ирина родилась 13 апреля 1917 года, – Цветаева в полной мере испытала голод и разруху послереволюционных лет. Маленькая Ирина умерла в феврале 1920-го. Старшая, Ариадна, стала для матери другом и опорой. Эти годы испытаний, разлуки с мужем, потерь, нищеты, новых встреч и расставаний – годы упорного, непрерывного поэтического труда – стали временем становления большого поэта.

Во все времена, и в самые тяжелые, в доме царил дух творчества. «Работала она неистово. Писала – как колдовала...»[3] – писал о Цветаевой Эмилий Миндлин, в 1921 году на некоторое время нашедший приют в доме. Сюда, к Цветаевой, приходили многие: театральный деятель князь Сергей Волконский, писатель Борис Зайцев, художник Николай Вышеславцев, поэты Константин Бальмонт, Тихон Чурилин и Илья Эренбург. В 1918–1919 годах частыми гостями в доме были Павел Антокольский, Юрий Завадский, Владимир Алексеев, Софья Голлидэй – участники театральной студии Вахтангова, будущие герои «Повести о Сонечке», написанной в 1937 году в Париже. Сама Цветаева в «Повести о Сонечке» назвала свой дом «странным и даже страшным... где все было сдвинуто – раз навсегда, то есть непрерывно и неостановимо сдвигалось, все дальше и дальше, пока не уходило за пределы стен: в подарок? в покражу? в продажу?» И подытожила: «Чтобы совсем все сказать о моем доме: мой дом был – диккенсовский: из „Лавки древностей“, где спали на сваях, а немножечко из „Оливера Твиста“ – на мешках»[4].

Князь Волконский писал об образе жизни Цветаевой того времени: «Во всем этом какое смешение быта и бытия. Как тяжел был быт, как удушливо тяжел! Как напряженно было бытие, как героически напряженно!»[5]

Прожив в доме в Борисоглебском около восьми лет, Марина Ивановна покинула его сложившимся зрелым поэтом. В эмиграции ее талант раскрылся полностью, сделав Цветаеву одним из крупнейших русских поэтов XX века.

Спустя 70 лет после отъезда Марины Цветаевой за границу, в 1992 году, дом в арбатском переулке, переживший коммуналки советского времени и уцелевший при строительном буме в центре Москвы, стал Культурным центром с мемориальной квартирой поэта.

К 1914 году Марина Цветаева написала множество стихов и уже заявила о себе, издав за свой счет сборники «Вечерний альбом» (1910) и «Волшебный фонарь» (1912). За годы жизни в Борисоглебском ею были созданы тысячи стихотворных строк – лирика, поэмы, пьесы; сделано множество дневниковых записей.

Предлагаемый сборник включает избранные стихотворения, написанные с сентября 1914-го по март 1922 года. Стихотворения расположены в хронологическом порядке без объединения в циклы и составляют как бы лирический дневник поэта этого времени. Некоторые были написаны в Петрограде, Александрове, Феодосии, но из этих поездок Цветаева всегда возвращалась домой – в Борисоглебский переулок.

Не признавая новой орфографии и нового стиля летоисчисления, Цветаева продолжала писать по старым правилам и датировала по старому, «русскому», стилю. В настоящем издании сохранена авторская датировка; после февраля 1918 года в угловых скобках указана дата по новому стилю.

Стихотворения приводятся по изданиям:

Марина Цветаева. Стихотворения и поэмы. Вступ. ст., сост., подгот. текста и примеч. Е. Б. Коркиной. Л.: Сов. писатель, 1990. (Б-ка поэта, Большая сер. 3-е изд);

Марина Цветаева. Собр. соч.: В 7 т. Сост., подгот. текста и коммент. А. А. Саакянц и Л. А. Мнухина. М.: Эллис Лак, 1994–1995. Т. 1–2.

1914

Бабушке

Продолговатый и твердый овал,
Черного платья раструбы...
Юная бабушка! Кто целовал
Ваши надменные губы?
Руки, которые в залах дворца
Вальсы Шопена играли...
По сторонам ледяного лица –
Локоны в виде спирали.
Темный, прямой и взыскательный взгляд.
Взгляд, к обороне готовый.
Юные женщины так не глядят.
Юная бабушка, – кто Вы?
Сколько возможностей Вы унесли
И невозможностей – сколько? –
В ненасытимую прорву земли,
Двадцатилетняя полька!
День был невинен, и ветер был свеж.
Темные звезды погасли.
– Бабушка! Этот жестокий мятеж
В сердце моем – не от вас ли?..
4 сентября 1914

«Под лаской плюшевого пледа...»

Под лаской плюшевого пледа
Вчерашний вызываю сон.
Что это было? – Чья победа?
Кто побежден?
Всё передумываю снова,
Всем перемучиваюсь вновь.
В том, для чего не знаю слова,
Была ль любовь?
Кто был охотник? Кто – добыча?
Всё дьявольски-наоборот!
Что понял, длительно мурлыча,
Сибирский кот?
В том поединке своеволий
Кто в чьей руке был только мяч?
Чье сердце – Ваше ли, мое ли –
Летело вскачь?
И все-таки – что ж это было?

Борисоглебский, 6. Из лирического дневника 1914–1922. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Чего так хочется и жаль?
– Так и не знаю: победила ль?
Побеждена ль?
23 октября 1914

«Сегодня таяло, сегодня...»
Сегодня таяло, сегодня
Я простояла у окна.
Ум – отрезвленной, грудь свободней,
Опять умиротворена.
Не знаю, почему. Должно быть
Устала попросту душа,
И как-то не хотелось трогать
Мятежного карандаша.
Так простояла я – в тумане –
Далекая добру и злу,
Тихонько пальцем барабаня
По чуть звенящему стеклу.
Душой не лучше и не хуже,
Чем первый встречный – этот вот, –
Чем перламутровые лужи,
Где расплескался небосвод,
Чем пролетающая птица,
И попросту бегущий пес,
И даже нищая певица
Меня не довела до слез.
Забвенья милое искусство
Душой усвоено уже.
– Какое-то большое чувство
Сегодня таяло в душе.
24 октября 1914

Германии
Ты миру отдана на травлю,
И счета нет твоим врагам!
Ну, как же я тебя оставлю,
Ну, как же я тебя предам?
И где возьму благоразумье:
«За око – око, кровь – за кровь!», –
Германия – мое безумье!
Германия – моя любовь!
Ну, как же я тебя отвергну,
Мой столь гонимый Vaterland[6]
Где всё еще по Кенигсбергу
Проходит узколиций Кант,
Где Фауста нового лелея
В другом забытом городке –
Geheimrath Goethe[7] по аллее
Проходит с веточкой в руке.
Ну, как же я тебя покину,
Моя германская звезда,
Когда любить наполовину
Я не научена, – когда –
От песенок твоих в восторге,
Не слышу лейтенантских шпор,
Когда мне свят святой Георгий
Во Фрейбурге, на Schwabenthor[8]
Когда меня не душит злоба
На Кайзера взлетевший ус, –
Когда в влюбленности до гроба
Тебе, Германия, клянусь!
Нет ни волшебней, ни премудрей
Тебя, благоуханный край,
Где чешет золотые кудри
Над вечным Рейном – Лорелей.
1 декабря 1914

«Радость всех невинных глаз...»

Радость всех невинных глаз,
– Всем на диво! –
В этот мир я родилась –
Быть счастливой!
Нежной до потери сил,
... ..
Только памятью смутил
Бог – богиню.

Помню ленточки на всех
Детских шляпах,
Каждый прозвеневший смех,
Каждый запах.
Каждый парус вдалеке
Жив – на муку.
Каждую в своей руке
Помню руку.
Каждое на ней кольцо –
Если б знали! –
Помню каждое лицо
На вокзале.
Все прощанья у ворот.
Все однажды...
Не поцеловавший рот –
Помню – каждый!
Все людские имена,
Все собачьи...
– Я по-своему верна,
Не иначе.
3 декабря 1914

1915

«Безумье – и благоразумье...»
Безумье – и благоразумье,
Позор – и честь,
Всё, что наводит на раздумье,
Всё слишком есть
Во мне, – все каторжные страсти
Свились в одну!
Так в волосах моих – все масти
Ведут войну.
Я знаю весь любовный шепот,
– Ах, наизусть! –
– Мой двадцатидвухлетний опыт –
Сплошная грусть.
Но облик мой – невинно-розов,
– Что ни скажи! –
Я виртуоз из виртуозов
В искусстве лжи.
В ней, запускаемой как мячик,
– Ловимый вновь! –
Моих прабабушек-полячек
Сказалась кровь.
Лгу оттого, что по кладбищам
Трава растёт,
Лгу оттого, что по кладбищам
Метель метёт...
От скрипки – от автомобиля –
Шелков – огня...
От пытки, что не все любили
Одну меня!
От боли, что не я – невеста
У жениха.
От жеста и стиха – для жеста
И для стиха.
От нежного боа на шее...
И как могу
Не лгать, – раз голос мой нежнее,
Когда я лгу...

«Легкомыслие! – Милый грех...»
Легкомыслие! – Милый грех,
Милый спутник и враг мой милый!
Ты в глаза мои вбрызнул смех,
Ты мазурку мне вбрызнул в жилы!
Научил не хранить кольца, –
С кем бы жизнь меня ни венчала!
Начинать наугад с конца,
И кончать еще до начала.
Быть как стебель, и быть как сталь
В жизни, где мы так мало можем...
– Шоколадом лечить печаль,
И смеяться в лицо проходим!
3 марта 1915

«Сини подмосковные холмы...»
Сини подмосковные холмы,
В воздухе чуть теплом – пыль и деготь.
Сплю весь день, весь день смеюсь, –
должно быть
Выздоровливаю от зимы.
Я иду домой возможно тише.
Ненаписанных стихов – не жаль!
Стук колес и жареный миндаль
Мне дороже всех четверостиший.
Голова до прелести пуста,
Оттого, что сердце – слишком полно!
Дни мои, как маленькие волны,
На которые гляжу с моста.
Чьи-то взгляды слишком уж нежны
В нежном воздухе, едва нагретом...
– Я уже заболеваю летом,
Еле выздоровев от зимы.
13 марта 1915

«Хочу у зеркала, где муть...»
Хочу у зеркала, где муть
И сон туманящий,
Я выпытать – куда Вам путь
И где – пристанище.
Я вижу: мачта корабля,
И Вы – на палубе...
Вы – в дыме поезда... Поля
В вечерней жалобе...
Вечерние поля в росе,
Над ними – вороны...
– Благословляю Вас на все
четыре стороны!
3 мая 1915

«Мне нравится, что Вы больны не мной»
Мне нравится, что Вы больны не мной,
Мне нравится, что я больна не Вами,
Что никогда тяжелый шар земной
Не уплывет под нашими ногами.
Мне нравится, что можно быть смешной –
Распущенной – и не играть словами,
И не краснеть удушливой волной,
Слегка соприкоснувшись рукавами.
Мне нравится еще, что Вы при мне
Спокойно обнимаете другую,
Не прочтите мне в адовом огне
Гореть за то, что я не Вас целую.
Что имя нежное мое, мой нежный, не
Упоминаете ни днем ни ночью – всуе...
Что никогда в церковной тишине

Не пропойт над нами: аллилуйя!
Спасибо Вам и сердцем и рукой
За то, что Вы меня – не зная сами! –
Так любите: за мой ночной покой,
За редкость встреч закатными часами,
За наши не-гулянья под луной,
За солнце не у нас на головах,
За то, что Вы больны – увы! – не мной,
За то, что я больна – увы! – не Вами.
3 мая 1915

«Какой-нибудь предок мой был – скрипач...»
Какой-нибудь предок мой был – скрипач,
Наездник и вор при этом.
Не потому ли мой нрав бродяч
И волосы пахнут ветром!
Не он ли, смуглый, крадет с арбы
Рукой моей – абрикосы,
Винючник страстной моей судьбы,
Курчавый и горбоносый.
Дивясь на пахаря за сохой,
Вертел между губ – шиповник.
Плохой товарищ он был, – лихой
И ласковый был любовник!
Любитель трубки, луны и бус,
И всех молодых соседок...
Еще мне думается, что – трус
Был мой желтоглазый предок.
Что, душу черту продав за грош,
Он в полночь не шел кладбищем!
Еще мне думается, что нож
Носил он за голенищем.
Что не однажды из-за угла
Он прыгал – как кошка – гибкий...
И почему-то я поняла,
Что он – не играл на скрипке!
И было всё ему нипочем, –
Как снег прошлогодний – летом!
Таким мой предок был скрипачом.
Я стала – таким поэтом.
23 июня 1915

«С большою нежностью – потому...»
С большою нежностью – потому,
Что скоро уйду от всех –
Я все раздумываю, кому
Достанется волчий мех,
Кому – разнеживающий плед
И тонкая трость с борзой,
Кому – серебряный мой браслет,
Осыпанный бирюзой...
И всё – записки, и всё – цветы,
Которых хранить – невмочь...
Последняя рифма моя – и ты,
Последняя моя ночь!
22 сентября 1915

«Заповедей не блюла, не ходила к причастью...»
Заповедей не блюла, не ходила к причастью.
– Видно, пока надо мной не пропойт литию, –
Буду грешить – как грешу – как грешила:
со страстью!
Господом данными мне чувствами – всеми пятью!
Други! – Сообщники! – Вы, чьи наущения –
жгучи!
– Вы, сопреступники! – Вы, нежные учителя!
Юноши, девы, деревья, созвездия, тучи, –
Богу на Страшном суде вместе ответим, Земля!

«В гибельном фолианте...»
В гибельном фолианте
Нету соблазна для
Женщины. – Ars Amandi [9]
Женщине – вся земля.
Сердце – любовных зелий
Зелье – вернее всех.
Женщина с колыбели
Чей-нибудь смертный грех.
Ах, далеко до неба!
Губы – близки во мгле...
– Бог, не суди! – Ты не был
Женщиной на земле!
29 сентября 1915

«Я знаю правду! Все прежние правды – прочь!..»
Я знаю правду! Все прежние правды – прочь!
Не надо людям с людьми на земле бороться.
Смотрите: вечер, смотрите: уж скоро ночь.
О чем – поэты, любовники, полководцы?
Уж ветер стелется, уже земля в росе,
Уж скоро звездная в небе застынет выюга,
И под землю скоро уснем мы все,
Кто на земле не давали уснуть друг другу.
3 октября 1915

«Два солнца стынут – о Господи, пощади!..»
Два солнца стынут – о Господи, пощади! –
Одно – на небе, другое – в моей груди.
Как эти солнца – прошу ли себе сама? –
Как эти солнца сводили меня с ума!
И оба стынут – не больно от их лучей!
И то остынет первым, что горячей.
6 октября 1915

«Цыганская страсть разлуки!..»
Цыганская страсть разлуки!
Чуть встретишь – уж рвешься прочь!
Я лоб уронила в руки,
И думаю, глядя в ночь:
Никто, в наших письмах роясь,
Не понял до глубины,
Как мы вероломны, то есть –
Как сами себе верны.
Октябрь 1915

«Полнолуние и мех медвежий...»
Полнолуние и мех медвежий,
И бубенчиков легкий пляс...
Легкомысленнейший час! – Мне же
Глубочайший час.
Умудрил меня встречный ветер,
Снег умилоствовал мне взгляд.
На пригорке монастырь светел
И от снега – свят.
Вы снежинки с груди собольей
Мне целовываете, друг.
Я на дерево гляжу – в поле,
И на лунный круг.
За широкой спиной ямщицкой
Две не встретите головы.
Начинает мне Господь – сниться,
Отоснились – Вы.
27 ноября 1915

«Лежат они, написанные наспех...»

Лежат они, написанные наспех,
Тяжелые от горечи и нет.
Между любовью и любовью распят
Мой миг, мой час, мой день, мой год, мой век.
И слышу я, что где-то в мире – грозы,
Что амазонок копыта блещут вновь.
– А я пера не удержу! – Две розы
Сердечную мне высосали кровь.
Москва, 20 декабря 1915

«Даны мне были и голос любый...»
Даны мне были и голос любый,
И восхитительный выгиб лба.
Судьба меня целовала в губы,
Учила первенствовать Судьба.
Устам платила я щедрой данью,
Я розы сыпала на гроба...
Но на бегу меня тяжелой дланью
Схватила за волосы Судьба!
Петербург, 31 декабря 1915

1916

«Посадила яблоньку...»
Посадила яблоньку:
Малым – забавоньку,
Старому – младость,
Садовнику – радость.
Приманила в горницу
Белую горлицу:
Вору – досада,
Хозяйке – услада.
Породила доченьку –
Синие оченьки,
Горленку – голосом,
Солнышко – волосом. –
На горе – девицам,
На горе – молодым.
23 января 1916

«Никто ничего не отнял...»
Никто ничего не отнял –
Мне сладостно, что мы врозь!
Целую Вас через сотни
Разъединяющих верст.
Я знаю: наш дар – неравен.
Мой голос впервые – тих.
Что Вам, молодой Державин,
Мой невоспитанный стих!
На страшный полет крещу Вас:
– Лети, молодой орел!
Ты солнце стерпел, не щурясь, –
Юный ли взгляд мой тяжел?
Нежней и бесповоротней
Никто не глядел Вам вслед...
Целую Вас – через сотни
Разъединяющих лет.
12 февраля 1916

«Ты запрокидываешь голову...»
Ты запрокидываешь голову –
Затем, что ты гордец и враль.
Какого спутника веселого
Привел мне нынешний февраль!
Позвякивая карбованцами
И медленно пуская дым,
Торжественными чужестранцами
Проходим городом родным.
Чьи руки бережные трогали

Твои ресницы, красота,
Когда, и как, и кем, и много ли
Целованы твои уста –
Не спрашиваю. Дух мой алчущий
Переборол сию мечту.
В тебе божественного мальчика, –
Десятилетнего я чту.
Помедлим у реки, полощущей
Цветные бусы фонарей.
Я доведу тебя до площади –
Видавшей отроков-царей...
Мальчишескую боль высвистывай,
И сердце зажимай в горсти...
– Мой хладнокровный, мой неистовый
Вольноотпущенник – прости!
18 февраля 1916

«Откуда такая нежность?..»
Откуда такая нежность?
Не первые – эти кудри
Разглаживаю, и губы
Знавала темней твоих.
Всходили и гасли звезды,
– Откуда такая нежность? –
Всходили и гасли очи
У самых моих очей.
Еще не такие песни
Я слушала ночью темной,
– Откуда такая нежность? –
На самой груди певца.
Откуда такая нежность?
И что с нею делать, отрок
Лукавый, певец захожий,
С ресницами – нет длинней.
18 февраля 1916

«Разлетелось в серебряные дребезги...»
Разлетелось в серебряные дребезги –
Зеркало, и в нем – взгляд.
Лебеди мои, лебеди
Сегодня домой летят!
Из облачной выси выпало
Мне прямо на грудь – перо.
Я сегодня во сне рассыпала
Мелкое серебро.
Серебряный клич – звонок.
Серебряно мне – петь!
Мой выкормыш! лебеденок!
Хорошо ли тебе лететь?
Пойду и не скажусь
Ни матери, ни сродникам.
Пойду и встану в церкви,
И помолюсь угодникам
О лебеде молоденьком.
1 марта 1916

«Гибель от женщины. Вот – знак...»
Гибель от женщины. Вот – знак
На ладони твоей, юноша.
Долу глаза! Молись! Берегись! Враг
Бдит в полуночи.
Не спасет ни песен
Небесный дар, ни надменнейший вырез губ.
Тем ты и люб,
что небесен.
Ах, запрокинута твоя голова,
Полузакрыты глаза – что? – пряча.
Ах, запрокинется твоя голова –

Борисоглебский, 6. Из лирического дневника 1914–1922. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Иначе.

Гольми руками возьмут – ретив! упрямя! –
Криком твоим всю ночь будет край звонок!
Растреплют крылья твои по всем четырем ветрам,
Серафим! – Орленок! –
17 марта 1916

«В день Благовещенья...»

В день Благовещенья
Руки раскрещены.
Цветок по́лит чахнувший,
Окна настезь распахнуты, –
Благовещенье, праздник мой!
В день Благовещенья
Подтверждаю торжественно:
Не надо мне ручных голубей, лебедей, орлят!
Летите – куда глаза глядят
В Благовещенье, праздник мой!
В день Благовещенья
Улыбаюсь до вечера,
Распростившись с гостями пернатыми.
– Ничего для себя не надо мне
В Благовещенье, праздник мой!
23 марта 1916

«Четвертый год...»

Четвертый год.
Глаза – как лед.
Брови – уже роковые.
Сегодня впервые
С кремлевских высот
Наблюдаешь ты
Ледоход.
Льдины, льдины
И купола.
Звон золотой,
Серебряный звон.
Руки – скрещены,
Рот – нем.
Брови сдвинув – Наполеон! –
Ты созерцаешь – Кремль.
– Мама, куда – лед идет?
– Вперед, лебеденок.
Мимо дворцов, церквей, ворот –
Вперед, лебеденок!
Синий
Взор – озабочен.
– Ты меня любишь, Марина?
– Очень.
– Навсегда?
– Да.
Скоро – закат,
Скоро – назад:
Тебе – в детскую, мне –
Письма читать дерзкие,
Кусать рот.
А лед
Всё
Идет.
24 марта 1916

«Облака – вокруг...»

Облака – вокруг,
Купола – вокруг.
Надо всей Москвой
– Сколько хватит рук! –
Возношу тебя, бремя лучшее,
Деревцо мое

Борисоглебский, 6. Из лирического дневника 1914–1922. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Невесомое!
В дивном граде сем,
В мирном граде сем,
Где и мертвой мне
Будет радостно, –
Царевать тебе, горевать тебе,
Принимать венец,
О мой первенец!
Ты постом – говей,
Не сурьми бровей
И все сорок – чти –
Сороков церквей.
Исходи пешком – молодым шажком! –
Всё привольное
Семихолмие.
Будет тво́й черед:
Тоже – дочери
Передашь Москву
С нежной горечью.
Мне же вольный сон, колокольный звон,
Зори ранние –
На Ваганькове.
31 марта 1916

«Из рук моих – нерукотворный град...»
Из рук моих – нерукотворный град
Прими, мой странный, мой прекрасный брат.
По церковке – всё сорок сороков,
И реющих над ними голубков.
И Спасские – с цветами – воротá,
Где шапка православного снята;
Часовню звёздную – приют от зол –
Где вытертый – от поцелуев – пол;
Пятисоборный несравненный круг
Прими, мой древний, вдохновенный друг.
К Нечаянныя Радости в саду
Я гостя чужеземного сведу.
Червонные возблещут купола,
Бессонные взгремят колокола,
И на тебя с багряных облаков
Уронит Богородица покров,
И встанешь ты, исполнен дивных сил...
– Ты не расскаешься, что ты меня любил.
31 марта 1916

«Мимо ночных башен...»
Мимо ночных башен
Площади нас мчат.
Ох, как в ночь страшен
Рев молодых солдат!
Греми, громкое сердце!
Жарко целуй, любовь!
Ох, этот рёв зверский!
Дерзкая – ох! – кровь!
Мой – рёт – разгарчив,
Даром, что свят – вид.
Как золотой ларчик
Иверская горит.
Ты озорство прикончи,
Да засвети свечу,
Чтобы с тобой нонче
Не было – как хочу.
31 марта 1916

«Веселись, душа, пей и ешь!..»
Веселись, душа, пей и ешь!
А настанет срок –
Положите меня промеж

Четырех дорог.
Там где во поле, во пустом
Воронье да волк,
Становись надо мной крестом,
Раздорожный столб!
Не чуралася я в нощи
Окаянных мест.
Высоко надо мной торчи,
Безымянный крест.
Не один из вас, други, мной
Был и сыт и пьян.
С головою меня укрой,
Полевой бурьян!
Не зажигайте свечу
Во церковной мгле.
– Вечной памяти не хочу
На родной земле!
4 апреля 1916

«Люди на душу мою льстятся...»
Люди на душу мою льстятся,
Нежных имен у меня – святцы,
А восприемников за душой –
Цельный, поди, монастырь мужской!
Уж и священники эти льстивы!
Каждый-то день у меня крестины!
Этот – орлицей, синицей – тот, –
Всяк по-иному меня зовет.
У тяжелейшей из всех преступниц –
Сколько заступников и заступниц!
Лягут со мною на вечный сон
Нежные святцы моих имен.
Звали – равно, называли – разно,
Все называли, никто не назвал.
6 апреля 1916

«Настанет день – печальный, говорят!..»
Настанет день – печальный, говорят!
Отцарствуют, отплачут, отгорят,
– Остужены чужими пятаками –
Мои глаза, подвижные как пламя.
И – двойника нащупавший двойник –
Сквозь легкое лицо проступит лик.
О, наконец тебя я удостоюсь,
Благообразия прекрасный пояс!
А издали – завизжу ли и вас? –
Потянется, растерянно крестясь,
Паломничество по дорожке черной
К моей руке, которой не отдерну,
К моей руке, с которой снят запрет,
К моей руке, которой больше нет.
На ваши поцелуи, о, живые,
Я ничего не возражу – впервые.
Меня окутал с головы до пят
Благообразия прекрасный плат.
Ничто меня уже не вгонит в краску,
Святая у меня сегодня Пасха.
По улицам оставленной Москвы
Поеду – я, и побредете – вы.
И не один дорогою отстанет,
И первый ком о крышку гроба грянет, –
И наконец-то будет разрешен
Себялюбивый, одинокий сон.
И ничего не надобно отныне
Новопреставленной болярыне Марине.
11 апреля 1916

первый день Пасхи

«Имя твое – птица в руке...»
Имя твое – птица в руке,
Имя твое – льдинка на языке,
Одно-единственное движенье губ,
Имя твое – пять букв.
Мячик, пойманный на лету,
Серебряный бубенец во рту,
Камень, кинутый в тихий пруд,
Всхлипнет так, как тебя зовут.
В легком щелканье ночных копыт
Громкое имя твое гремит.
И назовет его нам в висок
Звонко щелкающий курок
Имя твое – ах, нельзя! –
Имя твое – поцелуй в глаза,
В нежную стужу недвижных век,
Имя твое – поцелуй в снег.
Ключевой, ледяной, голубой глоток.
С именем твоим – сон глубок.
15 апреля 1916

«В оны дни ты мне была как мать...»
В оны дни ты мне была как мать,
Я в ночь тебя могла позвать,
Свет горячечный, свет бессонный,
Свет очей моих в ночи оны.
Благодатная, вспомяни,
Незакатные оны дни,
Материнские и дочерние,
Незакатные, невечерние.
Не смущать тебя пришла – прощай,
Только платья поцелую край,
Да взгляну тебе очами в очи,
Зацелованные в оны ночи.
Будет день – умру – и день – умрешь,
Будет день – пойму – и день – поймешь...
И вернется нам в день прощёный
Невозвратное время оно.
26 апреля 1916

«Ты проходишь на запад солнца...»
Ты проходишь на запад солнца,
Ты увидишь вечерний свет,
Ты проходишь на запад солнца,
И метель замедляет след.
Мимо окон моих – бесстрастный
Ты пройдешь в снеговой тиши,
Божий праведник мой прекрасный,
Свете тихий моей души!
Я на душу твою – не зарюсь!
Нерушима твоя стезя.
В руку, бледную от лобзаний,
Не вобью своего гвоздя.
И по имени не окликну,
И руками не потянусь.
Восковому святому лику
Только издали поклонюсь.
И, под медленным снегом стою,
Опушусь на колени в снег,
И во имя твое святое,
Поцелую вечерний снег –
Там, где поступью величавой
Ты прошел в гробовой тиши,
Свете тихий, святыя славы,
Вседержитель моей души.
2 мая 1916

«Зверю – берлога...»
Зверю – берлога,
Страннику – дорога,
Мертвому – дроги.
Каждому – свое.
Женщине – лукавить,
Царю – править,
Мне – славить
Имя твое.
2 мая 1916

«У меня в Москве – купола горят...»
У меня в Москве – купола горят,
У меня в Москве – колокола звонят,
И гробницы, в ряд, у меня стоят,
В них царицы спят, и цари.
И не знаешь ты, что зарей в Кремле
Легче дышится – чем на всей земле!
И не знаешь ты, что зарей в Кремле
Я молюсь тебе – до зари.
И проходишь ты над своей Невою
О ту пору, как над рекой–Москвой
Я стою с опущенной головой,
И слипаются фонари.
Всею бессонницей я тебя люблю,
Всею бессонницей я тебе внемлю
О ту пору, как по всему Кремлю
Просыпаются звонари.
Но моя река – да с твоей рекой,
Но моя рука – да с твоей рукой
Не сойдутся, Радость моя, доколь
Не догонит заря – зари.
7 мая 1916

«Должно быть – за той рощей...»
Должно быть – за той рощей
Деревня, где я жила,
Должно быть – любовь проще
И легче, чем я ждала.
– Эй, идола, чтоб вы сдохли!
Привстал и занес – кнут,
И окрику вслед – охлест,
И вновь бубенцы поют.
Над валким и жалким хлебом
За жердью встает – жердь.
И проволока под небом
Поет и поет смерть.
13 мая 1916

«И тучи оводов вокруг равнодушных кляч...»
И тучи оводов вокруг равнодушных кляч,
И ветром вздутый калужский родной кумач,
И по́свиист перепелов, и большое небо,
И волны колоколов над волнами хлеба,
И толк о немце, доколе не надоест,
И желтый–желтый – за синею рощей – крест,
И сладкий жар, и такое на всем сиянье,
И имя твое, звучащее словно: ангел.
18 мая 1916

«Руки люблю...»
Руки люблю
Целовать, и люблю
Имена раздавать,
И еще – раскрывать
Двери!
– Настежь – в темную ночь!
Голову сжав,

Слушать, как тяжкий шаг
Где-то легчает,
Как ветер качает
Сонный, бессонный
Лес.

Ах, ночь!
Где-то бегут ключи,
Ко сну – клонит.
Сплю почти.
Где-то в ночи
Человек тонет.
27 мая 1916

«Над городом, отвергнутым Петром...»
Над городом, отвергнутым Петром,
Перекатился колокольный гром.
Гремучий опрокинулся прибой
Над женщиной, отвергнутой тобой.
Царю Петру и Вам, о, царь, хвала!
Но выше вас, цари, колокола.
Пока они гремят из синевы –
Неоспоримо первенство Москвы.
– И целых сорок сороков церквей
Смеются над гордынею царей!
28 мая 1916

«Над синевую подмосковных рощ...»
Над синевую подмосковных рощ
Накрапывает колокольный дождь.
Бредут слепцы калужскою дорогой –
Калужской, песенной, привычной, и она
Смывает и смывает имена
Смиранных странников, во тьме поющих Бога.
И думаю: когда-нибудь и я,
Устав от вас, враги, от вас, друзья,
И от уступчивости речи русской –
Одену крест серебряный на грудь,
Перекрещусь – и тихо тронусь в путь
По старой по дороге по калужской.
Троицын день 1916

«О муза плача, прекраснейшая из муз!..»
О муза плача, прекраснейшая из муз!
О ты, шальное исчадие ночи белой!
Ты черную насылаешь метель на Русь,
И вопли твои вонзаются в нас, как стрелы.
И мы шарахаемся, и глухое, – ох! –
Стотысячное – тебе присягает. – Анна
Ахматова! – Это имя – огромный вздох,
И в глубь он падает, которая безымянна.
Мы коронованы тем, что одну с тобой
Мы землю топчем, что небо над нами – то же!
И тот, кто ранен смертельной твоей судьбой,
Уже бессмертным на смертное сходит ложе.
В певучем граде моем купола горят,
И Спаса светлого славит слепец бродячий...
– И я дарю тебе свой колокольный град
– Ахматова – и сердце свое в придачу!
19 июня 1916

«Охватила голову и стою...»
Охватила голову и стою,
– Чтó людские козни! –
Охватила голову и пою
На заре на поздней.
Ах, неистовая меня волна
Подняла на гребень!
Я тебя пою, что у нас – одна,

Как луна на небе!
Что, на сердце вóроном налетев –
В облака вонзилась.
– Горбоносую – чей смертелен гнев
И смертельна – милость.
Что и над червонным моим Кремлем
Свою ночь простерла,
Что певучей негою – как ремнем
Мне стянула горло.
Ах, я счастлива! Никогда заря
Не сгорала – чище.
Ах, я счастлива, что тебя даря,
Удаляюсь – нищей,
Что тебя, чей голос – о глубь, о мгла! –
Мне дыханье сузил,
Я впервые именем назвала
Царскосельской Музы.
22 июня 1916

«Имя ребенка – Лев...»
Имя ребенка – Лев,
Матери – Анна.
В имени его – гнев,
В материнском – тишь.
Вóлосом – он – рыж –
Голова тюльпана! –
Что ж – осанна –
Маленькому царю.
Дай ему БОГ – вздох
И улыбку – матери,
Взгляд – искателя
Жемчугов.
Бог, внимательнее
За ним присматривай:
Царский сын – гадательней
Остальных сынов.
Рыжий львеныш
С глазами зелеными,
Страшное наследье тебе нести!
Северный Океан и Южный
И нить жемчужных
Черных четок – в твоей горсти!
24 июня 1916

«Сколько спутников и друзей!..»
Сколько спутников и друзей!
Ты никому не вторишь.
Правят юностью нежной сей –
Гордость и горечь.
Помнишь бешеный день в порту,
Южных ветров угрозы,
Рев Каспия – и во рту
Крылышко розы.
Как цыганка тебе дала
Камень в резной оправе,
Как цыганка тебе врала
Что-то о славе...
И – высоко у парусов –
Отрока в синей блузе.
Гром моря – и грозный зов
Раненой Музы.
25 июня 1916

«Не отстать тебе. Я – острожник...»
Не отстать тебе. Я – острожник,
Ты – конвойный. Судьба одна.
И одна в пустоте порожней
Подорожная нам дана.

Уж и нрав у меня спокойный!
Уж и очи мои ясны!
Отпусти-ка меня, конвойный,
Прогуляться до той сосны!
26 июня 1916

«Златоустой Анне – всея Руси...»
Златоустой Анне – всея Руси
Искупительному глаголу, –
Ветер, голос мой донеси
И вот этот мой вздох тяжелый.
Расскажи, сгорающий небосклон,
Про глаза, что черны от боли,
И про тихий земной поклон
Посреди золотого поля.
Ты, зеленоводный лесной ручей,
Расскажи, как сегодня ночью
Я взглянула в тебя – и чей
Лик узрела в тебе воочью.
Ты, в грозовой высú
Обретенный вновь!
Ты! Безымянный!
Донеси любовь мою
Златоустой Анне – всея Руси!
27 июня 1916

«Руки даны мне – протягивать каждому обе...»
Руки даны мне – протягивать каждому обе –
– Не удержать ни одной, губы – давать имена,
Очи – не видеть, высокие брови над ними –
Нежно дивиться любви и – нежней – нелюбви.
А этот колокол там, что кремлевских тяжеле,
Безостановочно ходит и ходит в груди, –
Это – кто знает? – не знаю, – быть может, –
должно быть –
Мне загоститься не дать на российской земле.
2 июля 1916

«Белое солнце и низкие, низкие тучи...»
Белое солнце и низкие, низкие тучи,
Вдоль огородов – за белой стеною – погост.
И на песке вереница соломенных чучел
Под перекладами в человеческий рост.
И, перевесившись через заборные колья,
Вижу: дороги, деревья, солдаты вразброд.
Старая баба – посыпанный крупною солью
Черный ломóть у калитки жует и жует...
Чем прогневили тебя эти серые хаты,
Господи! – и для чего стóльким простреливать
грудь?
Поезд прошел и завыл, и завывали солдаты,
И запыхал, запыхал отступающий путь...
– Нет, умереть! Никогда не родиться бы лучше,
Чем этот жалобный, жалостный, каторжный вой
О чернобровых красавицах. – Ох, и поют же
Нынче солдаты! О, Господи Боже ты мой!
3 июля 1916

«Семь холмов – как семь колоколов...»
Семь холмов – как семь колоколов.
На семи колоколах – колокольни.
Всех счетом – сорок сороков, –
Колокольное семихолмие!
В колокольный я, во червонный день
Иоанна родилась Богослова.
Дом – пряник, а вокруг плетень
И церкóвки златоголовые.
И любила же, любила же я первый звон –

Как монашки потекут к обедне,
Вой в печке, и жаркий сон,
И знахарку с двора соседнего.
– Провожай же меня, весь московский сброд,
Юродивый, воровской, хлыстовский!
Поп, крепче позаткни мне рот
Колокольной землей московскою!
8 июля 1916. Казанская

«Москва! Какой огромный...»
Москва! Какой огромный
Странноприимный дом!
Всяк на Руси – бездомный,
Мы все к тебе придем.
Клеймо позорит плечи,
За голенищем – нож.
Издаleká-далече
Ты всё же позовешь.
На каторжные клейма,
На всякую болезнь –
Младенец Пантелеймон
У нас, целитель, есть.
А вон за тою дверцей,
Куда народ валит, –
Там Иверское сердце,
Червонное, горит.
И льется аллилуйя
На смуглые поля.
– Я в грудь тебя целую,
Московская земля!
8 июля 1916. Казанская

«В огромном городе моем – ночь...»
В огромном городе моем – ночь.
Из дома сонного иду – прочь.
И люди думают: жена, дочь –
А я запомнила одно: ночь.
Июльский ветер мне метет – путь,
И где-то музыка в окне – чуть.
Ах, нынче ветру до зари – дуть
Сквозь стенки тонкие грудí – в грудь.
Есть черный тополь, и в окне – свет,
И звон на башне, и в руке – цвет,
И шаг вот этот – никому – вслед,
И тень вот эта, а меня – нет.
Огни – как нити золотых бус,
Ночного листика во рту – вкус.
Освободите от дневных уз,
Друзья, поймите, что я вам – снюсь.
17 июля 1916 Москва

«Сегодня ночью я одна в нoчú...»
Сегодня ночью я одна в нoчú
– Бессонная, бездомная черница! –
Сегодня ночью у меня ключи
От всех ворот единственной столицы!
Бессонница меня толкнула в путь.
– О как же ты прекрасен, тусклый Кремль мой! –
Сегодня ночью я целую в грудь
Всю круглую воющую землю!
Вздыхаются не волосы – а мех,
И душный ветер прямо в душу дует.
Сегодня ночью я жалею всех –
Кого жалеют и кого целуют!
1 августа 1916

«Красною кистью...»
Красною кистью

Рябина зажглась.
Падали листья.
Я родилась.
Спорили сотни
Колоколов.
День был субботний:
Иоанн Богослов.
Мне и донине
Хочется грызть
Жаркой рябины
Горькую кисть.
16 августа 1916

«Я тебя отвоюю у всех земель, у всех небес...»
Я тебя отвоюю у всех земель, у всех небес,
Оттого что лес – моя колыбель, и могила – лес,
Оттого что я на земле стою – лишь одной ногой,
Оттого что я тебе спою – как никто другой.
Я тебя отвоюю у всех времен, у всех ночей,
У всех золотых знамен, у всех мечей,
Я ключи закину и псов прогоню с крыльца –
Оттого что в земной ночи я вернее пса.
Я тебя отвоюю у всех других – у той, одной,
Ты не будешь ничей жених, я – ничьей женой,
И в последнем споре возьму тебя – замолчи! –
У того, с которым Иаков стоял в ночи.
Но пока тебе не скрещу на груди персты –
О проклятие! – у тебя остаешься – ты:
Два крыла твои, нацеленные в эфир, –
Оттого что мир – твоя колыбель, и могила – мир!
15 августа 1916

«Кабы нас с тобой – да судьба свела...»
Кабы нас с тобой – да судьба свела –
Ох, веселые пошли бы на земле дела!
Не один бы нам поклонился град,
Ох, мой родный, мой природный,
мой безродный брат!
Как последний сгас на мосту фонарь –
Я кабацкая царица, ты кабацкий царь.
Присягай, народ, моему царю!
Присягай его царице, – всех собой дарю!
Кабы нас с тобой – да судьба свела –
Поработали бы царские на нас колокола,
Поднялся бы звон по Москве-реке
О прекрасной самозванке и ее дружке.
Нагулявшись, наплясавшись на земном пиру,
Покачались бы мы, братец, на ночном ветру...
И пылила бы дороженька – бела, бела –
Кабы нас с тобой – да судьба свела!
25 сентября 1916

«Счастье или грусть...»
Счастье или грусть –
Ничего не знать наизусть,
В пышной тальме катать бобровой,
Сердце Пушкина теревить в руках,
И прослыть в веках –
Длиннобровой,
Ни к кому не суровой –
Гончаровой.
Сон или смертный грех –
Быть как шелк, как пух, как мех,
И, не слыша стиха литого,
Процветать себе без морщин на лбу.
Если грустно – кусать губу
И потом, в гробу,
Вспоминать – Ланского.

Борисоглебский, 6. Из лирического дневника 1914–1922. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
1 ноября 1916

«...Я бы хотела жить с Вами...»
...Я бы хотела жить с Вами
В маленьком городе,
Где вечные сумерки
И вечные колокола.
И в маленькой деревянной гостинице
Тонкий звон
Старинных часов – как капельки времени.
И иногда, по вечерам, из какой-нибудь мансарды –
Флейта,
И сам флейтист в окне,
И большие тюльпаны на окнах,
И может быть, Вы бы даже меня не любили...
* * *

Посреди комнаты – огромная изразцовая печка,
На каждом изразце – картинка:
Роза – сердце – корабль –
А в единственном окне – снег, снег, снег.
Вы бы лежали – каким я Вас люблю: ленивый,
Равнодушный, беспечный.
Изредка резкий треск
Спички.
Папироса горит и гаснет,
И долго-долго дрожит на ее краю
Серым коротким столбиком – пепел.
Вам даже лень его стряхивать –
И вся папироса летит в огонь.
10 декабря 1916

«Кто спит по ночам? никто не спит!..»
Кто спит по ночам? никто не спит!
Ребенок в люльке своей кричит,
Старик над смертью своей сидит,
Кто молод – с милою говорит,
Ей в губы дышит, в глаза глядит.
Заснешь – проснешься ли здесь опять?
Успеем, успеем, успеем спать!
А зоркий сторож из дома в дом
Проходит с розовым фонарем,
И дробным рокотом над подушкой
Рокочет ярая колотушка:
– Не спи! крепись! говорю добром!
А то – вечный сон! а то – вечный дом!
12 декабря 1916

«Вот опять окно...»
Вот опять окно,
Где опять не спят.
Может – пьют вино,
Может – так сидят.
Или просто – рук
Не разнимут двое.
В каждом доме, друг,
Есть окно такое.
Крик разлук и встреч
Ты, окно в ночи!
Может – сотни свеч,
Может – три свечи...
Нет и нет уму
Моему – покоя.
И в моем доме
Завелось такое.
Помолись, дружок, за бессонный дом,
За окно с огнем!
23 декабря 1916

«Мне ль, которой ничего не надо...»
Мне ль, которой ничего не надо,
Кроме жаркого чужого взгляда,
Да янтарной кисти винограда, –
Мне ль, заласканной до тла и всласть,
Жаловаться на тебя, о страсть!
Все же в час как леденеет твердь
Я мечтаю о тебе, о смерть,
О твоей прохладной благодати –
Как мечтает о своей кровати
Человек, уставший от объятий.
1 января 1917

«Милые спутники, делившие с нами ночлег!..»
Милые спутники, делившие с нами ночлег!
Версты, и версты, и версты, и черствый хлеб...
Рокот цыганских телег,
Вспять убегающих рек –
Рокот...
Ах, на цыганской, на райской, на ранней заре –
Помните утренний ветер и степь в серебре?
Синий дымок на горе,
И о цыганском царе –
Песню...
В черную полночь, под пологом древних ветвей
Мы вам дарили прекрасных, как ночь, сыновей,
Нищих, как ночь, сыновей...
И рокотал соловей –
Славу.
Не удержали нас, спутники чудной поры,
Нищие неги и нищие наши пиры.
Жарко пылали костры,
Падали к нам на ковры –
Звезды...
29 января 1917

«У камина, у камина...»
У камина, у камина
Ночи коротаю.
Все качаю и качаю
Маленького сына.
Лучше бы тебе по нилу
Плыть, дитя, в корзине!
Позабыл отец твой милый
О прекрасном сыне.
Царский сон оберегая,
Затекли колена.
Ночь была... И ночь другая
Ей пришла на смену.
Так Агарь в своей пустыне
Шепчет Измаилу:
«Позабыл отец твой милый
О прекрасном сыне!»
Дорастешь, царек сердечный,
До отцовской славы,
И поймешь: недолговечны
Царские забавы!
И другая, в час унылый
Скажет у камина:
«Позабыл отец твой милый
О прекрасном сыне!»
2 февраля 1917. Сретение

«Август – астры...»
Август – астры,
Август – звезды,
Август – грозди

Винограда и рябины
Ржавой – август!
Полновесным, благосклонным
Яблоком своим имперским,
Как дитя, играешь, август,
Как ладонью, гладишь сердце
Именем своим имперским:
Август! – Сердце!
Месяц поздних поцелуев,
Поздних роз и молний поздних!
Ливней звездных
Август! – Месяц
Ливней звездных!
7 февраля 1917

«Над церкóвкой – голубые облака...»
Над церкóвкой – голубые облака,
Крик вороний...
И проходят – цвета пепла и песка –
Рéволюционные войска.
Ох ты барская, ты царская моя тоска!
Нету лиц у них и нет имен, –
Песен нету!
Заблудился ты, кремлевский звон,
В этом ветреном лесу знамен.
Помолись, Москва, ложись, Москва, на
вечный сон!
2 марта 1917

Москва

Царю – на пасху
Настежь, настежь
Царские врата!
Сгасла, схлынула чернота.
Чистым жаром
Горит алтарь.
– Христос Воскресе,
Вчерашний царь!
Пал без славы
Орел двуглавый.
– Царь! – Вы были неправы.
Помянет потомство
Еще не раз –
Византийское вероломство
Ваших ясных глаз.
Ваши судьи –
Гроза и вал!
Царь! Не люди –
Вас Бог взыскал.
Но нынче Пасха
По всей стране,
Спокойно спите
В своем Селе,
Не видите красных
Знамен во сне.
Царь! – Потомки
И предки – сон.
Есть – котомка,
Коль отнят трон.
2 апреля 1917,

первый день Пасхи

Москва

«За Отрока – за Голубя – за Сына...»
За Отрока – за Голубя – за Сына,

За царевича младого Алексия
Помолись, церковная Россия!
Очи ангельские вытри,
Вспомяни, как пал на плиты
Голубь углицкий – Димитрий.
Ласковая ты, Россия, мать!
Ах, ужели у тебя не хватит
На него – любовной благодати?
Грех отцовский не карай на сыне.
Сохрани, крестьянская Россия,
Царскосельского ягненка – Алексия!
4 апреля 1917,

третий день Пасхи

«Чуть светает...»
Чуть светает –
Спешит, сбегается
Мышиной стаей
На звон колокольный
Москва подпольная.
Покидают норы –
Старухи, воры.
Ведут разговоры.
Свечи горят.
Сходит Дух
На малых ребят,
На полоумных старух.
В полумраке,
Нехотя, кое-как
Бормочет дьяк.
Из черной тряпицы
Выползают на свет Божий –
Гроши нищие,
Гроши острожные,
Потом и кровью добытые
Гроши вдовьи,
Про черный день
Да на помин души
Отложенные.
Так, на рассвете,
Ставят свечи,
Вынимают просфоры –
Старухи, воры:
За живот, за здоровье
Раба Божьего – Николая.
Так, на рассвете,
Темный свой пир
Справляет подполье.
10 апреля 1917

«И кто-то, упав на карту...»
И кто-то, упав на карту,
Не спит во сне.
Повеяло Бонапартом
В моей стране.
Кому-то гремят раскаты:
– Гряди, жених!
Летит молодой диктатор,
Как жаркий вихрь.
Глаза под улыбкой шалой –
Что ночь без звезд!
Горит на мундире впалом –
Солдатский крест
Народы призвал к покою,
Смирил озноб –
И дышит, зажав рукою
Вселенский лоб.

Троицын день

«Из строгого, стройного храма...»
Из строгого, стройного храма
Ты вышла на визг площадей...
– Свобода! – Прекрасная дама
Маркизов и русских князей.
Свершается страшная спевка, –
Обедня еще впереди!
– Свобода! – Гулящая девка
На шалой солдатской груди!
26 мая 1917

«Голубые, как небо, воды...»
Голубые, как небо, воды,
И серебряных две руки.
Мало лет – и четыре года:
Ты и я – у Москвы-реки.
Лодки плыли, гудки гудели,
Распоясанный брел солдат.
Ребятишки дрались и пели
На отцовский унылый лад.
На ревнителей Бога Марса
Ты тихонько кривила рот.
Ледяными глазами барса
Ты глядела на этот сброд.
Был твой лик среди этих, темных,
До сиянья, до блеска – бел.
Не забуду – а ты не вспомнишь –
Как один на тебя глядел.
6 июня 1917

«Горечь! Горечь! Вечный привкус...»
Горечь! Горечь! Вечный привкус
На губах твоих, о страсть!
Горечь! Горечь! Вечный искус –
Окончательнее пасть.
Я от горечи – целую
Всех, кто молод и хорош.
Ты от горечи – другую
Ночью за руку ведешь.
С хлебом ем, с водой глотаю
Горечь-горе, горечь-грусть.
Есть одна трава такая
На лугах твоих, о Русь.
10 июня 1917

«И зажег, голубчик, спичку...»
И зажег, голубчик, спичку.
– Куды, матушка, дымок?
– В двери, родной, прямо в двери, –
Помирать тебе, сынок!
– Мне гулять еще охота.
Неохота помирать.
Хоть бы кто за меня помер!
...Только до ночи и пожил.
11 июня 1917

(Рассказ владимирской няни Нади.)

Але
А когда – когда-нибудь – как в воду
И тебя потянет – в вечный путь,
Оправдай змеиную породу:
Дом – меня – мои стихи – забудь.
Знай одно: что завтра будешь старой.

Пей вино, правь тройкой, пой у Яра,
Синеокою цыганкой будь.
Знай одно: никто тебе не пара –
и бросайся каждому на грудь.
Ах, горят парижские бульвары!
(Понимаешь – миллионы глаз!)
Ах, гремят мадридские гитары!
(Я о них писала – столько раз!)
Знай одно: (твой взгляд широк от жара,
Паруса надулись – добрый путь!)
Знай одно: что завтра будешь старой,
Остальное, деточка, – забудь.
11 июня 1917

«А царит над нашей стороной...»
А царит над нашей стороной –
Глаз дурной, дружок, да час худой.
А всего у нас, дружок, красы –
Что две русских, вдоль спины, косы,
Две несжатых, в поле, полосы.
А затем, чтобы в единый год
Не повис по рощам весь народ –
Для того у нас заведено
Зеленое шалое вино.
А по селам – ивы – деревья
Да плакун-трава, разрыв-трава..
Не снести тебе российской ноши.
– Проходите, господин хороший!
11 июня 1917

Юнкерам, убитым в Нижнем
Сабли взмах –
И вздохнули трубы тяжко –
Провожать
Легкий прах.
С веткой зелени фуражка –
В головах.
Глуше, глуше
Праздный гул.
Отдадим последний долг
Тем кто долгу отдал – душу.
Гул – смолк
– Слуша – ай! На – кра – ул!
Три фуражки.
Трубный звон.
Рвется сердце.
– Как, без шашки?
Без погон
Офицерских?
Поутру –
В безымянную дыру?
Смолкли трубы.
Доброй ночи –
Вам, разорванные в клочья –
На посту!
17 июля 1917

«Мое последнее величье...»
Мое последнее величье
На дерзком голоде заплат!
В сухие руки ростовщицы
Снесен последний мой заклад.
Промотанному – в ночь – наследству
У Господа – особый счет.
Мой – не сошелся. Не по средствам
Мне эта роскошь: ночь и рот.
Простимся ж коротко и просто
– Раз руки не умеют красть! –

Борисоглебский, 6. Из лирического дневника 1914–1922. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
С тобой, нелепейшая роскошь,
Роскошная нелепость! – страсть!
1 сентября 1917

«Ночь. – Норд-Ост. – Рев солдат. – Рев волн...»
Ночь. – Норд-Ост. – Рев солдат. – Рев волн.
Разгромили винный склад. – Вдоль стен
По канавам – драгоценный поток,
И кровавая в нем пляшет луна.
Ошалелые столбы тополей.
Ошалелое – в ночь – пенье птиц.
Царский памятник вчерашний – пуст,
И над памятником царским – ночь.
Гавань пьет, казармы пьют. Мир – наш!
Наше в княжеских подвалах вино!
Целый город, топоча как бык,
К мутной луже припадая – пьет.
В винном облаке – луна. – Кто здесь?
Будь товарищем, красотка: пей!
А по городу – веселый слух:
Где-то двое потонули в вине.
Последние дни октября

Феодосия

Корнилов
...Сын казака, казак...
Так начиналась – речь.
– Родина. – Враг. – Мрак.
Всем головами лечь.
Бейте, попы, в набат.
– Нечего есть. – Честь.
– Не терять ни дня!
Должен солдат
Чистить коня...
4 декабря 1917

Москве

«1. Когда рыжеволосый Самозванец...»
Когда рыжеволосый Самозванец
Тебя схватил – ты не согнула плеч.
Где спесь твоя, княгинюшка? – Румянец,
Красавица? – Разумница, – где речь?
Как Петр-Царь, презрев закон сыновний,
Позарился на голову твою –
Боярыней Морозовой на дровнях
Ты отвечала Русскому Царю.
Не позабыли огненного поила
Буонапарта хладные уста.
Не в первый раз в твоих соборах – стойла.
Всё вынесут кремлевские бока!
9 декабря 1917

«2. Гришка-Вор тебя не ополячил...»
Гришка-Вор тебя не ополячил,
Петр-Царь тебя не онемечил.
Что же делаешь, голубка? – Плачу.
Где же спесь твоя, Москва? – Далече.
– Голубочки где твои? – Нет корму.
– Кто унес его? – Да ворон черный.
– Где кресты твои святые? – Сбиты.
– Где сыны твои, Москва? – Убиты.
10 декабря 1917

«Новый год я встретила одна...»
Новый год я встретила одна.
Я, богатая, была бедна,
Я, крылатая, была проклятой.

Где-то было много-много сжатых
Рук – и много старого вина,
А крылатая была – проклятой!
А единая была – одна!
Как луна – одна, в глазу окна.
31 декабря 1917

1918

«На кортике своем: Марина...»
На кортике своем: Марина –
Ты начертал, встав за Отчизну.
Была я первой и единой
В твоей великолепной жизни.
Я помню ночь и лик пресветлый
В аду солдатского вагона.
Я волосы гоню по ветру,
Я в ларчике храню погоны.
18 января 1918[10]

Москва

«Закинув голову и опустив глаза...»
Закинув голову и опустив глаза,
Пред ликом Господа и всех святых – стою.
Сегодня праздник мой, сегодня – суд.
Сонм юных ангелов смущен до слез.
Бесстрастны праведники. Только ты,
На тронном облаке, глядишь, как друг.
Что хочешь – спрашивай. Ты добр и стар,
И ты поймешь, что с эдаким в груди
Кремлевским колоколом – лгать нельзя.
И ты поймешь, как страстно день и ночь
Боролись Промысел и произвол
В ворочающей жернова груди.
Так, смертной женщиной – опущен взор –
Так, гневным ангелом – закинут лоб –
В день Благовещенья, у Царских врат,
Перед лицом твоим – гляди! – стою.
А голос, голубем покинув грудь,
В червонном куполе обводит круг.
6 <19> марта 1918

«Белая гвардия, путь твой высок...»
Белая гвардия, путь твой высок:
Черному дулу – грудь и висок.
Божье да белое твое дело:
Белое тело твое – в песок.
Не лебедей это в небе стая:
Белогвардейская рать святая
Белым видением тает, тает...
Старого мира – последний сон:
Молодость – Доблесть – Вандея – Дон.
11 <24> марта 1918

«Кто уцелел – умрет, кто мертв – воспрянет...»
Кто уцелел – умрет, кто мертв – воспрянет.
И вот потомки, вспомнив старину:
– Где были вы? – Вопрос как громом грянет,
Ответ как громом грянет: – На Дону!
– Что делали? – Да принимали муки,
Потом устали и легли на сон.
И в словаре задумчивые внуки
За словом: долг напишут слово: Дон.
17 <30> марта 1918

«Идет по луговинам лития...»
Идет по луговинам лития.
Таинственная книга бытия

Российского – где судьбы мира скрыты –
Дочитана и наглухо закрыта.
И рыщет ветер, рыщет по степи:
– Россия! – Мученица! – С миром – спи!
17 <30> марта 1918

«Волны и молодость – вне закона!..»
Волны и молодость – вне закона!
Тронулся Дон. – Погибаем. – Тонем.
Ветру веков доверяем снести
Внукам – лихую весть:
Да! Проломилась донская глыба!
Белая гвардия – да! – погибла.
Но покидая детей и жен,
Но уходя на Дон,
Белую стаей летя на плаху,
Мы за одно умирали: хаты!
Перекрестясь на последний храм,
Белогвардейская рать – векам.
Благовещение 1918

Москва

– дни разгрома Дона –

«..О, самозванцев жалкие усилья!..»
..О, самозванцев жалкие усилья!
Как сон, как снег, как смерть – святыни – всем.
Запрет на Кремль? Запрета нет на крылья!
И потому – запрета нет на Кремль!
Страстной понедельник 1918

«– Марина! Спасибо за мир!..»
– Марина! Спасибо за мир!
Дочернее странное слово.
И вот – расступился эфир
Над женщиной светлоголовой.
Но рот напряжен и суров.
Умру, – а восторга не выдам!
Так с неба Господь Саваоф
Внимал молодому Давиду.
Страстной понедельник 1918

Андрей Шенье
«1. Андрей Шенье взшел на эшафот...»
Андрей Шенье взшел на эшафот,
А я живу – и это страшный грех.
Есть времена – железные – для всех.
И не певец, кто в порохе – поет.
И не отец, кто с сына у ворот
Дрожа срывает воинский доспех.
Есть времена, где солнце – смертный грех.
Не человек – кто в наши дни – живет.
4 <17> апреля 1918

«2. Не узнаю в темноте...»
Не узнаю в темноте
Руки – свои иль чужие?
Мечется в страшной мечте
Черная консьержерия.
Руки роняют тетрадь,
Щупают тонкую шею.
Утро крадется как тать.
Я дописать не успею.
4 <17> апреля 1918

«Не самозванка – я пришла домой...»
Не самозванка – я пришла домой,

И не служанка – мне не надо хлеба.
Я – страсть твоя, воскресный отдых твой,
Твой день седьмой, твое седьмое небо.
Там на земле мне подавали грош
И жерновов навешали на шею.
– Возлюбленный! – Ужель не узнаешь?
Я ласточка твоя – Психея!
30 апреля <13 мая> 1918

«Серафим – на орла! Вот бой!..»
Евгению Багратионовичу Вахтангову

Серафим – на орла! Вот бой! –
Примешь вызов? – Летим за тучи!
В год кровавый и громовой –
Смерть от равного – славный случай.
Гнев Господень нас в мир извѣрг,
Дабы помнили люди – небо.
Мы сойдемся в Страстной Четверг
Над церковкой Бориса – и – Глеба.
Москва, Вербное воскресенье 1918

«Коли в землю солдаты всадили – штык...»
Коли в землю солдаты всадили – штык,
Коли красною тряпкой затмили – лик[11],
Коли Бог под ударами – глух и нем,
Коль на Пасху народ не пустили в Кремль –
Надо бражникам старым засесть за холст,
Рыбам – петь, бабам – умствовать, птицам –
ползть,
Конь на всаднике должен скакать верхом,
Новорожденных надо поить вином[12],
Реки – жечь, мертвецов выносить – в окно,
Солнце красное в полночь всходить должно,
Имя суженой должен забыть жених..
Государыням нужно любить – простых[13].
Третий день Пасхи 1918

«Это просто, как кровь и пот...»
Это просто, как кровь и пот:
Царь – народу, царю – народ.
Это ясно, как тайна двух:
Двое рядом, а третий – Дух.
Царь с небес на престол взведен:
Это чисто, как снег и сон.
Царь опять на престол взойдет –
Это свято, как кровь и пот.
24 апреля <7 мая> 1918

третий день Пасхи

«Орел и архангел! Господень гром!..»
Орел и архангел! Господень гром!
Не храм семиглавый, не царский дом
Да будет тебе гнездом.
Нет, – Красная площадь, где весь народ!
И – Лобное место сравняв – в поход;
Птенцов – собирать – сирот.
Народ обезглавлен и ждет главы.
Уж воздуху нету ни в чьей груди.
Архангел! – Орел! – Гряди!
Не зарева рыщут, не вихрь встает,
Не радуга пышет с небес, – то Петр
Птенцам производит смотр.
24 апреля <7 мая> 1918,

третий день Пасхи

«Московский герб: герой пронзает гада...»
Московский герб: герой пронзает гада.
Дракон в крови. Герой в луче. – Так надо.
Во имя Бога и души живой
Сойди с ворот, Господень часовой!
Верни нам вольность, Воин, им – живот.
Страж роковой Москвы – сойди с ворот!
И докажи – народу и дракону –
Что спят мужи – сражаются иконы.
26 апреля <9 мая> 1918

«Бог – прав...»
Бог – прав
Тлением трав,
Сухостью рек,
Воплем калек,
Вором и гадом,
Мором и голодом,
Срамом и смрадом,
Громом и градом.
Пóпранным Словом.
Прóклятым годом.
Пленом царевым.
Вставшим народом.
29 апреля <12 мая> 1918

«В черном небе – слова начертаны...»
В черном небе – слова начертаны –
И ослепли глаза прекрасные..
И не страшно нам ложе смертное,
И не сладко нам ложе страстное.
В поте – пишуший, в поте – пашущий!
Нам знакомо иное рвение:
Легкий огонь над кудрями пляшущий, –
Дуновение – вдохновения!
1 <14> мая 1918

«Благословляю ежедневный труд...»
Благословляю ежедневный труд,
Благословляю еженощный сон.
Господню милость – и Господень суд,
Благой закон – и каменный закон.
И пыльный пурпур свой, где столько дыр..
И пыльный посох свой, где все лучи!
Еще, Господь, благословляю – мир!
В чужом дому – и хлеб в чужой печи.
8 <21> мая 1918

«Полюбил богатый – бедную...»
Полюбил богатый – бедную,
Полюбил ученый – глупую,
Полюбил румяный – бледную,
Полюбил хороший – вредную:
Золотой – полушку медную.
– Где, купец, твое роскошество?
«Во дырявом во лукошечке!»
– Где, гордец, твои учености?
«Под подушкой у девчоночки!»
– Где, красавец, щеки алые?
«Зá ночь черную – растаяли».
– Крест серебряный с цепочкою?
«У девчонки под сапожками!»
Не люби, богатый, – бедную,
Не люби, ученый, – глупую,
Не люби, румяный, – бледную,
Не люби, хороший, – вредную:
Золотой – полушку медную!
Между 8 и 13 <21 и 26> мая 1918

«Мракобесие. – Смерч. – Содом...»
Мракобесие. – Смерч. – Содом.
Берегите Гнездо и Дом.
Долг и Верность спустив с цепи,
Человек молодой – не спи!
В воротах, как Благая Весть,
Белым стражем да встанет – Честь.
* * *

Обведите свой дом – межой,
Да не внидет в него – Чужой.
Берегите от злобы волн
Садик сына и дедов холм.
Под ударами злой судьбы –
Выше – прадедовы дубы!
24 мая <6 июня> 1918

«Я – страница твоему перу...»
Я – страница твоему перу.
Всё приму. Я белая страница.
Я – хранитель твоему добру:
Возращу и возвращу сторицей.
Я – деревня, черная земля.
Ты мне – луч и дождевая влага.
Ты – Господь и Господин, а я –
Чернозем – и белая бумага!
27 июня <10 июля> 1918

«Как правая и левая рука...»
Как правая и левая рука –
Твоя душа моей душе близка.
Мы смежены, блаженно и тепло,
Как правое и левое крыло.
Но вихрь встает – и бездна пролегла
От правого – до левого крыла!
27 июня <10 июля> 1918

«Мой день беспутен и нелеп...»
Мой день беспутен и нелеп:
У нищего прошу на хлеб,
Богатому даю на бедность,
В иголку продаваю – луч,
Грабителю вручаю – ключ,
Белилами румяню бледность.
Мне нищий хлеба не дает,
Богатый денег не берет,
Луч не вдевается в иголку,
Грабитель входит без ключа,
А дура плачет в три ручья –
Над днем без славы и без толку.
14 <27> июля 1918

«– Где лебеди? – А лебеди ушли...»
– Где лебеди? – А лебеди ушли.
– А вороны? – А вороны – остались.
– Куда ушли? – Куда и журавли.
– Зачем ушли? – Чтоб крылья не достались.
– А папа где? – Спи, спи, за нами Сон,
Сон на степном коне сейчас приедет.
– Куда возьмет? – На лебединый Дон.
Там у меня – ты знаешь? – белый лебедь...
27 июля <9 августа> 1918

«Белогвардейцы! Гордиев узел...»
Белогвардейцы! Гордиев узел
Доблести русской! Белогвардейцы!
Белые грузди
Песенки русской!

Белогвардейцы! Белые звезды!
С неба не выскрести!
Белогвардейцы! Черные гвозди
В ребра Антихристу!
27 июля <9 августа> 1918

«Стихи растут, как звезды и как розы...»
Стихи растут, как звезды и как розы,
Как красота – ненужная в семье.
А на венцы и на апофеозы –
Один ответ: – Откуда мне сие?
Мы спим – и вот, сквозь каменные плиты,
Небесный гость в четыре лепестка.
О мир, пойми! Певцом – во сне – открыты
Закон звезды и формула цветка.
1 <14> августа 1918

«Мое убежище от диких орд...»
Мое убежище от диких орд,
Мой щит и панцирь, мой последний форт
От злобы добрых и от злобы злых –
Ты – в самых ребрах мне засевший стих!
3 <16> августа 1918

«Если душа родилась крылатой...»
Если душа родилась крылатой –
Что ей хоромы – и что ей хаты!
Что Чингис-Хан ей и что – Орда!
Два на миру у меня врага,
Два близнеца, неразрывно-слитых:
Голод голодных – и сытость сытых!
5 <18> августа 1918

Але

«1. Не знаю, где ты и где я...»
Не знаю, где ты и где я.
Те ж песни и те же заботы.
Такие с тобою друзья!
Такие с тобою сироты!
И так хорошо нам вдвоем:
Бездомным, бессонным и сирым..
Две птицы: чуть встали – поём.
Две странницы: кормимся миром.
«2. И бродим с тобой по церквам...»
И бродим с тобой по церквам
Великим – и малым, приходским.
И бродим с тобой по домам
Убогим – и знатным, господским.
Когда-то сказала: – Купи! –
Сверкнув на кремлевские башни.
Кремль – твой от рождения. – Спи,
Мой первенец светлый и страшный.
«3. И как под землю трава...»
И как под землю трава
Дружится с рудой железной, –
Всё видят пресветлые два
Провала в небесную бездну.
Сивилла! – Зачем моему
Ребенку – такая судьбина?
Ведь русская доля – ему..
И век ей: Россия, рябина..
11 <24> августа 1918

«Под рокот гражданских бурь...»
Под рокот гражданских бурь,
В лихую годину,
Даю тебе имя – мир,
В наследье – лазурь.

Борисоглебский, 6. Из лирического дневника 1914–1922. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Отыйди, отыйди, Враг!
Храни, Триединый,
Наследницу вечных благ
Младенца Ирину!
26 августа <8 сентября> 1918

«Колыбель, оваянная красным!..»
Колыбель, оваянная красным!
Колыбель, качаемая чернью!
Гром солдат – вдоль храмов – за вечерней..
А ребенок вырастет – прекрасным.
С молоком кормилицы рязанской
Он всосал наследственные блага:
Триединство Господа – и флага.
Русский гимн – и русские пространства.
В нужный День, на Божьем солнце ясном,
Вспомнит долг дворянский и дочерний –
Колыбель, качаемая чернью,
Колыбель, оваянная красным!
26 августа <8 сентября> 1918

«Над черною пучиной водною..»
Над черною пучиной водною –
Последний звон.
Лавиною простонародною
Низринут трон.
Волóчится кровавым вóлоком
Пурпур царей.
Греми, греми, последний колокол
Русских церквей!
Кропите, слéзные жемчужинки,
Трон и алтарь.
Крепитесь, верные содружники:
Церковь и царь!
Цари земные низвергаются.
– Царствие! – Будь!
От колокола содрогаются
Город и грудь.
26 сентября <9 октября> 1918,

День Иоанна Богослова

«Не смущаю, не пою...»
Не смущаю, не пою
женскою отравою.
Руку верную даю –
Пишущую, правую.
Той, которою крещу
На ночь – ненаглядную.
Той, которою пишу
То, что Богом задано.
Левая – она дерзка,
Льстивая, лукавая.
Вот тебе моя рука –
Праведная, правая!
10 <23> октября 1918

«Царь и Бог! Простите малым...»
Царь и Бог! Простите малым –
Слабым – глупым – грешным – шалым,
В страшную воронку втянутым,
Обольщенным и обманутым, –
Царь и Бог! Жестокой казнию
Не казните Стеньку Разина!
Царь! Господь тебе отплатит!
С нас сиротских воплей – хватит!
Хватит, хватит с нас покойников!
Царский Сын, – прости Разбойнику!

В отчий дом – дороги разные.
Пощадите Стеньку Разина!
Разин! Разин! Сказ твой сказан!
Красный зверь смирен и связан.
Зубья страшные поломаны,
Но за жизнь его за темную,
Да за удачу несуразную –
Развяжите Стеньку Разина!
Родина! Исток и устье!
Радость! Снова пахнет Русью!
Просияйте, очи тусклые!
Веселись, сердце русское!
Царь и Бог! Для ради празднику –
Отпустите Стеньку Разина!
1-ая годовщина Октября

Москва

«Не любовь, а лихорадка!..»
Не любовь, а лихорадка!
Легкий бой лукав и лжив.
Нынче тошно, завтра сладко,
Нынче помер, завтра жив.
Бой кипит. Смешно обоим:
Как умен – и как умна!
Героиней и героем
Я равно обольщена.
Жезл пастуший – или шпага?
Зритель, бой – или гавот?
Шаг вперед – назад три шага,
Шаг назад – и три вперед.
Рот как мед, в очах доверье,
Но уже взлетает бровь.
Не любовь, а лицемерье,
Лицедейство – не любовь!
И итогом этих (в скобках –
несодеянных!) грехов –
Будет легонькая стопка
Восхитительных стихов.
7 <20> ноября 1918

«Дружить со мной нельзя, любить меня – не можно!..»
Дружить со мной нельзя, любить меня – не можно!
Прекрасные глаза, глядите осторожно!
Баркасу должно плыть, а мельнице – вертеться.
Тебе ль остановить кружасьщее сердце?
Порукою тетрадь – не выйдешь господином!
Пристало ли вздыхать над действием
комедийным?
Любовный крест тяжел – и мы его не тронем.
Вчерашний день прошел – и мы его схороним.
7 <20> ноября 1918

«Я счастлива жить образцово и просто...»
Я счастлива жить образцово и просто:
Как солнце – как маятник – как календарь.
Быть светской пустынною стройного роста,
Премудрой – как всякая Божия тварь.
Знать: дух – мой сподвижник, и дух – мой
вожатый!
Входить без доклада, как луч и как взгляд.
Жить так, как пишу: образцово и сжато, –
Как Бог повелел и друзья не велят.
9 <22> ноября 1918

«Не успокоюсь, пока не увижу...»
Не успокоюсь, пока не увижу.
Не успокоюсь, пока не услышу.

Вашего взора пока не увижу,
Вашего слова пока не услышу.
Что-то не сходится – самая малость!
Кто мне в задаче исправит ошибку?
Солоно-солоно сердцу досталась
Сладкая-сладкая Ваша улыбка!
– Баба! – мне внуки на урне напишут.
И повторяю – упрямо и слабо:
Не успокоюсь, пока не увижу,
Не успокоюсь, пока не услышу.
10 <23> ноября 1918

«Вы столь забывчивы, сколь незабвенны...»
Вы столь забывчивы, сколь незабвенны.
– Ах, Вы похожи на улыбку Вашу! –
Сказать еще? – Златого утра краше!
Сказать еще? – Один во всей вселенной!
Самой любви младой военнопленный,
Рукой Челлини ваянная чаша.
Друг, разрешите мне на лад старинный
Сказать любовь, нежнейшую на свете.
Я Вас люблю. – В камине воеет ветер.
Облокотись – уставясь в жар каминный –
Я Вас люблю. Моя любовь невинна.
Я говорю, как маленькие дети.
Друг! Всё пройдет! Виски в ладонях сжаты,
Жизнь разожмет! – Младой военнопленный,
Любовь отпустит вас, но – вдохновенный
– Всем пророкочет голос мой крылатый –
О том, что жили на земле когда-то
Вы – столь забывчивый, сколь незабвенный!
12 <25> ноября 1918

«Нá смех и нá зло...»
Нá смех и нá зло:
Здравому смыслу,
Ясному солнцу,
Белому снегу –
я полюбила:
Мутную полночь,
Льстивую флейту,
Праздные мысли.
Этому сердцу
Родина – Спарта.
Помнишь лисёнка,
Сердце спартанца?
– Легче лисёнка
Скрыть под одеждой,
Чем утаить вас,
Ревность и нежность!
18 ноября <1 декабря> 1918

«Мне тебя уже не надо...»
Мне тебя уже не надо,
Милый – и не оттого что
С первой почтой – не писал.
И не оттого что эти
Строки, писанные с грустью,
Будешь разбирать – смеясь.
(Писанные мной одною –
Одному тебе! – впервые! –
Расколдуешь – не один.)
И не оттого что кудри
До щеки коснутся – мастер
Я сама читать вдвоем! –
И не оттого что вместе
– Над неясностью заглавных! –
Вы вздохнете, наклонясь.

И не оттого что дружно
Веки вдруг смежатся – труден
Почерк, – да к тому – стихи!
Нет, дружочек! – Это проще,
Это пуше, чем досада:
Мне тебя уже не надо –
Оттого что – оттого что –
Мне тебя уже не надо!
20 ноября <3 декабря> 1918

«Я Вас люблю всю жизнь и каждый день...»
Я Вас люблю всю жизнь и каждый день,
Вы надо мною, как большая тень,
Как древний дым полярных деревень.
Я Вас люблю всю жизнь и каждый час.
Но мне не надо Ваших губ и глаз.
Всё началось – и кончилось – без Вас.
Я что-то помню: звонкая дуга,
Огромный ворот, чистые снега,
Унизанные звездами рога...
И от рогов – в полнебосвода – тень...
И древний дым полярных деревень...
– Я поняла: Вы северный олень.
24 ноября <7 декабря> 1918

«Ваш нежный рот – сплошное целованье...»
Ваш нежный рот – сплошное целованье...
– И это все, и я совсем как нищий.
Кто я теперь? – Единая? – Нет, тыща!
Завоеватель? – Нет, завоеванье!
Любовь ли это – или любованье,
Пера причуда – иль первопричина,
Томленье ли по ангельскому чину –
Иль чуточку притворства – по призванью...
– Души печаль, очей очарованье,
Пера ли росчерк – ах! – не все равно ли,
Как назовут сие уста – доколе
Ваш нежный рот – сплошное целованье!
Ноябрь <декабрь?> 1918

1919

«Друзья мои! Родное триединство!..»
Друзья мои! Родное триединство!
Роднее чем в родстве!
Друзья мои в советской – яacobинской –
Маратовой Москве!
С вас начинаю, пылкий Антокольский,
Любимец хладных Муз,
Запомнивший лишь то, что – панны польской
Я именем зовусь.
И этого – виновен холод братский,
И сеть иных помех! –
И этого не помнящий – Завадский!
Памятнейший из всех!
И, наконец – герой меж лицедеев –
От слова бытие
Все имена забывший – Алексеев!
Забывший и свое!
И, упражняясь в старческом искусстве
Скрывать себя, как черный бриллиант,
Я слушаю вас с нежностью и грустью,
Как древняя Сивилла – и Жорж Занд.
31 декабря <13 января 1919>

«Скучают после кутежа...»
Скучают после кутежа.
А я как веселюсь – не чаешь!
Ты – господин, я – госпожа,

А главное – как ты, такая ж!
Не обманись! Ты знаешь сам
По злomu холодку в гортани,
Что я была твоим устам –
Лишь пеною с холмов Шампани!
Есть золотые кутежи.
И этот мой кутеж оправдан:
Шампанское любовной лжи
Без патоки любовной правды!
<Январь> 1919

«Солнце – одно, а шагает по всем городам...»
Солнце – одно, а шагает по всем городам.
Солнце – мое. Я его никому не отдам.
Ни на час, ни на луч, ни на взгляд. – Никому. –
Никогда.
Пусть погибают в бессменной ночи города!
В руки возьму! Чтоб не смело вертеться в кругу!
Пусть себе руки, и губы, и сердце сожгу!
В вечную ночь пропадет – погонюсь по следам...
Солнце мое! Я тебя никому не отдам!
<Февраль> 1919

П. Антокольскому
Дарю тебе железное кольцо:
Бессонницу – восторг – и безнадежность.
Чтоб не глядел ты девушкам в лицо,
Чтоб позабыл ты даже слово – нежность.
Чтоб голову свою в шальных кудрях
Как пенный кубок возносил в пространство,
Чтоб обратило в уголь – и в пепл – и в прах
Тебя – сие железное убранство.
Когда ж к твоим пророческим кудрям
Сама Любовь приникнет красным углем,
Тогда молчи и прижимай к губам
Железное кольцо на пальце смуглом.
Вот талисман тебе от красных губ,
Вот первое звено в твоей кольчуге, –
Чтоб в буре дней стоял один – как дуб,
Один – как БОГ в своем железном круге!
<Март> 1919

«Пустыней Девичьего Поля...»
Пустыней Девичьего Поля
Бреду за ныряющим гробом.
Сугробы – ухабы – сугробы.
Москва. – Деятнадцатый год. –
В гробу – несравненные руки,
Скрестившиеся самовольно,
И сердце – высокою жизнью
Купившее право – не жить.
Какая печальная свита!
Распутицу – холод – и голод
Последним почетным эскортом
Тебе отрядила Москва.
Кто помер? – С дороги, товарищ!
Не вашего разума дело:
– Исконный – высокого рода –
Высокой души – дворянин.
Пустыней Девичьего Поля,
... ..
Молюсь за блаженную встречу
В тепле Елисейских Полей!
Март 1919

«Елисейские Поля: ты и я...»
Елисейские Поля: ты и я.
И под нами – огневая земля

Борисоглебский, 6. Из лирического дневника 1914–1922. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
и лужи морские

И родная, роковая Россия,
Где покоится наш нищенский прах
На кладбищенских Девичьих полях.
Вот и свиделись! – А воздух каков! –
Есть же страны без мешков и штыков!
В мир, где «Равенство!» кричат даже дети,
Опоздавшие на дважды столетье, –
Там маячили – дворянская спесь! –
Мы такими же тенями, как здесь.
Что Россия нам? – Черны купола!
Так, заложниками бросив тела,
Ненасытному червю – черни черной,
Нежно встретились: Поэт и Придворный, –
Два посмешища в державе снегов,
Боги – в сонме Королей и Богов!
Март 1919

«В мое окошко дождь стучится...»
В мое окошко дождь стучится.
Скрипит рабочий над станком.
Была я уличной певицей,
А ты был княжеским сынком.
Я пела про судьбу-злодейку,
И с раззолоченных перил
Ты мне не руль и не копейку, –
Ты мне улыбку подарил.
Но старый князь узнал затею:
Сорвал он с сына ордена
И повелел слуге-лакею
Прогнать девчонку со двора.
И напилась же я в ту ночку!
Зато в блаженном мире – том –
Была я – княжескою дочкой,
А ты был уличным певцом!
11 <24> апреля 1919

«Ландыш, ландыш белоснежный...»
Ландыш, ландыш белоснежный,
Розан аленький!
Каждый говорил ей нежно:
«Моя маленькая!»
– Ликом – чистая иконка,
Пеньем – пеночка... –
И качал ее тихонько
На коленочках.
Ходит вправо, ходит влево
Божий маятник.
И кончалось всё припевом:
«Моя маленькая!»
Божьи думы нерушимы,
Путь – указанный.
Маленьким не быть большими,
Вольным – связанными.
И предстал – в кого не целят
Девки – пальчиком:
Божий ангел встал с постели –
Вслед за мальчиком.
– Будешь цвести под райским древом,
Розан аленький! –
Так и кончилась с припевом:
«Моя маленькая!»
3 <16> июня 1919

Але
В шитой серебром рубашечке,
– Грудь как звездами унизана! –
Голова – цветочной чашечкой

Из серебряного выреза.
Очи – два пустынных озера,
Два Господних откровения –
На лице, туманно-розовом
От войны и Вдохновения.
Ангел – ничего – всё! – знающий,
Плоть – былинкою довольная,
Ты отца напоминаешь мне –
Тоже Ангела и Воина.
Может – всё мое достоинство –
ЗА руку с тобою странствовать.
– Помолись о нашем Воинстве
Завтра утром, на Казанскую!
5 <18> июля 1919

«Когда я буду бабушкой...»
Когда я буду бабушкой –
Годов через десяточек –
Причудницей, забавницей, –
Вихрь с головы до пяточек!
И внук – кудряш – Егорушка
Взревет: «Давай ружье!»
Я брошу лист и перышко –
Сокровище мое!
Мать всплачет: «Год три месяца,
А уж, гляди, как зол!»
А я скажу: «Пусть бесится!
Знать, в бабушку пошел!»
Егор, моя утробушка!
Егор, ребро от ребрышка!
Егорушка, Егорушка,
Егорий – свет – храбрец!
Когда я буду бабушкой –
Седой каргою с трубкою! –
И внучка, в полночь крадучись,
Шепнет, взметнувши юбками:
«Кого, скажите, бабушка,
Мне взять из семерых?» –
Я опрокину лавочку,
Я закружусь, как вихрь.
Мать: «Ни стыда, ни совести!
И в гроб пойдет пляша!»
А я-то: «На здоровьице!
Знать, в бабушку пошла!»
Кто ходок в пляске рыночной –
Тот лих и на перинушке, –
Маринушка, Маринушка,
Марина – синь-моря!
«А целовалась, бабушка,
Голубушка, со сколькими?»
– «Я дань платила песнями,
Я дань взымала кольцами.
Ни ночки даром проспанной:
Всё в райском во саду!»
– «А как же, бабка, Господу
Предстанешь на суду?»
«Свистят скворцы в скворешнице,
Весна-то – глянь! – бела...
Скажу: – Родимый, – грешница!
Счастливая была!
Вы ж, ребрышко от ребрышка,
Маринушка с Егорушкой,
Моей землицы горсточку
Возьмите в узелок».
19 июля <1 августа> 1919

Тебе – через сто лет
К тебе, имеющему быть рожденным

Столетие спустя, как отдышу, –
Из самых недр, – как на смерть осужденный,
Своей рукой – пишу:
– Друг! Не ищи меня! Другая мода!
Меня не помнят даже старики.
– Ртом не достать! – Через летеиски воды
Протягиваю две руки.
Как два костра, глаза твои я вижу,
Пылающие мне в могилу – в ад, –
Ту видящие, что рукой не движет,
Умершую сто лет назад.
Со мной в руке – почти что горстка пыли –
Мои стихи! – я вижу: на ветру
Ты ищешь дом, где родилась я – или
В котором я умру.
На встречных женщин – тех, живых, счастливых, –
Горжусь, как смотришь, и ловлю слова:
– Сборище самозванок! Все мертвы вы!
Она одна жива!
Я ей служил служеньем добровольца!
Все тайны знал, весь склад ее перстней!
Грабительницы мертвых! Эти кольца
Украдены у ней!
О, сто моих колец! Мне тянет жилы,
Раскаиваюсь в первый раз,
Что столько я их вкривь и вкось дарила, –
Тебя не дождалась!
И грустно мне еще, что в этот вечер,
Сегодняшний – так долго шла я вслед
Садящемуся солнцу, – и навстречу
Тебе – через сто лет.
Бьюсь об заклад, что бросишь ты проклятье
Моим друзьям во мглу могил:
– Все восхваляли! Розового платья
Никто не подарил!
Кто бескорыстней был?! – Нет, я корыстна!
Раз не убьешь, – корысти нет скрывать,
Что я у всех выпрашивала письма,
Чтоб ночью целовать.
Сказать? – Скажу! Небытие – условность.
Ты мне сейчас – страстнейший из гостей,
И ты откажешь перлу всех любовниц
Во имя той – костей.
Август 1919

«Два дерева хотят друг к другу...»
Два дерева хотят друг к другу.
Два дерева. Напротив дом мой.
Деревья старые. Дом старый.
Я молода, а то б, пожалуй,
Чужих деревьев не жалела.
То, что поменьше, тянет руки,
Как женщина, из жил последних
Вытянулось, – смотреть жестоко,
Как тянется – к тому, другому,
Что старше, стойче и – кто знает? –
Еще несчастнее, быть может.
Два дерева: в пылу заката
И под дождем – еще под снегом –
Всегда, всегда: одно к другому,
Таков закон: одно к другому,
Закон один: одно к другому.
Август 1919

«Консуэла! – Утешенье!..»
Консуэла! – Утешенье!
Люди добрые, не сглазьте!
Наградил вторую тенью

Бог меня – и первым счастьем.
Видно с ангелом спала я,
Бога приняла в объятья.
Каждый час благословляю
Полночь твоего зачатья.
И ведет меня – до срока –
К Богу – по дороге белой –
Первенец мой синеокий:
Утешенье! – Консуэла!
Ну, а раньше – стать другая!
Я была счастливой тварью!
Все мой дом оберегали, –
Каждый под подушкой шарил!
Награждали – как случилось:
Кто – улыбкой, кто – полушкой..
А случилось – оставалось
Даже сердце под подушкой!..
Времячко мое златое!
Сонм чудесных прегрешений!
Всех вас вымела метлою
Консуэла – Утешенье.
А чердак мой чисто метен,
Сор подобран – на жаровню.
Смерть хоть сим же часом встретим:
Ни сориночки любовной!
– Вор! – Напрасно ждешь! – Не выйду!
Буду спать, как повелела
Мне – от всей моей Обиды
Утешенье – Консуэла!
Москва, октябрь 1919

«Маска – музыка... А третье...»
Маска – музыка... А третье
Что любимое? – Не скажет.
И я тоже не скажу.
Только знаю, только знаю
– Шалой головой ручаюсь! –
Что не мать – и не жена.
Только знаю, только знаю,
Что как музыка и маска,
Как Москва – маяк – магнит –
Как метель – и как мазурка
Начинается на М.
– Море или мандарины?
Москва, октябрь 1919

«Чердачный дворец мой, дворцовый чердак!..»
Чердачный дворец мой, дворцовый чердак!
Взойдите. Гора рукописных бумаг...
Так. – Руку! – Держите направо, –
Здесь лужа от крыши дырявой.
Теперь полюбуйтесь, воссев на сундук,
Какую мне Фландрию вывел паук.
Не слушайте толков досужих,
Что женщина – может без кружев!
Ну-с, перечень наших чердачных чудес:
Здесь нас посещают и ангел, и бес,
И тот, кто обоих превыше.
Недолго ведь с неба – на крышу!
Вам дети мои – два чердачных царька,
С веселою музой моею, – пока
Вам призрачный ужин согрею, –
Покажут мою эмпирею.
– А что с Вами будет, как выйдут дрова?
– Дрова? Но на то у поэта – слова
Всегда – огневые – в запасе!
Нам нынешний год не опасен..
От века поэтов корки черствы,

И дела нам нету до красной Москвы!
Глядите: от края – до края –
Вот наша Москва – голубая!
А если уж слишком поэта доймет
Московский, чумной, девятнадцатый год, –
Что ж, – мы проживем и без хлеба!
Недолго ведь с крыши – на небо.
Октябрь 1919

«А была я когда-то цветами увенчана...»
А была я когда-то цветами увенчана
И слагали мне стансы – поэты.
Девятнадцатый год, ты забыл, что я женщина..
Я сама позабыла про это!
Скажут имя мое – и тотчас же, как в зеркале
... ..
И повис надо мной, как над брошенной церковью,
Тяжкий вздох сожалений бесплодных.
Так, в..... Москве погребенная заживо,
Наблюдаю с усмешкою тонкой,
Как меня – даже ты, что три года охаживал! –
Обходить научился сторонкой.
Октябрь 1919

С. Э
Хочешь знать, как дни проходят,
Дни мои в стране обид?
Две руки пилою водят,
Сердце – имя говорит.
Эх! Прошел бы ты по дому –
Знал бы! Так в ночи пою,
Точно по чему другому –
Не по дереву – пилою.
И чудят, чудят пилою
Руки – вольные досель.
И метет, метет метлою
Богородица-Метель.
Ноябрь 1919

«Дорожкой простонародною...»
Дорожкой простонародною,
Смирною, богоугодною,
Идем – свободные, немодные,
Душой и телом – благородные.
Сбылися древние пророчества:
Где вы – Величества? Высочества?
Мать с дочерью идем – две странницы.
Чернь черная навстречу чванится.
Быть может – вздох от нас останется,
А может – Бог на нас оглянется..
Пусть будет – как Ему захочется:
Мы не Величества, Высочества.
Так, скромные, богоугодные,
Душой и телом – благородные,
Дорожкой простонародною –
Так, доченька, к себе на родину:
В страну Мечты и Одиночества –
Где мы – Величества, Высочества.
<1919>

Бальмонту
Пышно и бесстрастно вянут
Розы нашего румянца.
Лишь камзол теснее стянут:
Голодаем как испанцы.
Ничего не можем даром
Взять – скорее гору сдвинем!
И ко всем гордыням старым –

Голод: новая гордыня.
В вывернутой наизнанку
Мантии Врагов Народа
Утверждаем всей осанкой:
Луковица – и свобода.
Жизни ломовое дышло
Спеси не перешибило
Скакуну. Как бы не вышло:
– Луковица – и могила.
Будет наш ответ у входа
В Рай, под деревцем миндальным:
– Царь! На пиршестве народа
Голодали – как гидальго!
Ноябрь 1919

«Высоко́ мое оконце!..»
Высоко́ мое оконце!
Не достанешь перстеньком!
На стене чердачной солнце
От окна легло крестом.
Тонкий крест оконной рамы.
Мир. – На вечны времена.
И мерещится мне: в самом
Небе я погребена!
Ноябрь 1919

Але
«1. Когда-нибудь, прелестное создание...»
Когда-нибудь, прелестное создание,
Я стану для тебя воспоминаньем.
Там, в памяти твоей голубоокой,
Затерянным – так далеко-далеко.
Забудешь ты мой профиль горбоносый,
И лоб в апофеозе папиросы,
И вечный смех мой, коим всех морочу,
И сотню – на руке моей рабочей –
Серебряных перстней, – чердак-каюту,
Моих бумаг божественную смуту...
Как в страшный год, возвышены Бедою,
Ты – маленькой была, я – молодой.
«2. О бродяга, родства не помнящий...»
О бродяга, родства не помнящий –
Юность! – Помню: метель мела,
Сердце пело. – Из нежной комнаты
Я в метель тебя увела.
... ..
И твой голос в метельной мгле:
– «Остригите мне, мама, волосы!
Они тянут меня к земле!»
Ноябрь 1919

«3. Маленький домашний дух...»
Маленький домашний дух,
Мой домашний гений!
Вот она, разлука двух
Сродных вдохновений!
Жалко мне, когда в печи
Жар, – а ты не видишь!
В дверь – звезда в моей ночи! –
Не взойдешь, не выйдешь!
Платьица твои висят,
Точно плод запретный.
На окне чердачном – сад
Расцветает – тщетно.
Голуби в окно стучат, –
Скучно с голубями!
Мне ветра привет кричат, –
Бог с ними, с ветрами!

Не сказать ветрам седым,
Стаям голубиным –
Чудодейственным твоим
Голосом: – Марина!
ноябрь 1919

«Я не хочу ни есть, ни пить, ни жить...»
Я не хочу ни есть, ни пить, ни жить.
А так: руки скрестить – тихонько плыть
Глазами по пустому небосклону.
Ни за свободу я – ни против оной
– О, Господи! – не шевельну перстом.
Я не дышать хочу – руки крестом!
декабрь 1919

«Между воскресеньем и субботой...»
Между воскресеньем и субботой
я повисла, птица вербная.
На одно крыло – серебряная,
На другое – золотая.
Меж Забавой и Заботой
Пополам расколота, –
Серебро мое – суббота!
Воскресенье – золото!
Коли грусть пошла по жилушкам,
Не по нраву – корочка, –
Знать, из правого я крылушка
Обронила перышко.
А коль кровь опять проснулася,
Подступила к щеченькам, –
Значит, к миру обернулася
Я бочком золотеньким.
Наслаждайтесь! – Скоро-скоро
Канет в страны дальние –
Ваша птица разноперая –
Вербная – сусальная.
16 <29> декабря 1919

«Простите Любви – она нищая!..»
Простите Любви – она нищая!

У ней башмаки нечищены, –
И вовсе без башмаков!
Стояла вчерась на паперти,
Молилася Божьей Матери, –
Ей в дар башмачок сняла.
Другой – на углу, у булочной,
Сняла ребятишкам уличным:
Где милый – узнать – прошел.
Босая теперь – как ангелы!
Не знает, что ей сафьянные
В раю башмачки стоят.
17 <30> декабря 1919

Кунцево – Госпиталь

1920

«Звезда над люлькой – и звезда над гробом!..»
Звезда над люлькой – и звезда над гробом!
А посредине – голубым сугробом –
Большая жизнь. – Хоть я тебе и мать,
Мне больше нечего тебе сказать,
Звезда моя!..
22 декабря <4 января 1920>

Кунцево – Госпиталь

«У первой бабки – четыре сына...»

У первой бабки – четыре сына,
Четыре сына – одна лучина,
Кожух овчинный, мешок пеньки, –
Четыре сына – да две руки!
Как ни навалишь им чашку – чисто!
Чай, не барчата! – Семинаристы!
А у другой – по иному трахту! –
У той тоскует в ногах вся шляхта.
И вот – смеется у камелька:
«Сто богомольцев – одна рука!»
И зацелованными руками
Чудит над клавишами, шелками..
* * *

Обеим бабкам я вышла – внучка:
Чернорабочий – и белоручка!
Январь 1920

«Я эту книгу поручаю ветру...»
Я эту книгу поручаю ветру
И встречным журавлям.
Давным-давно – перекричать разлуку –
Я голос сорвала.
Я эту книгу, как бутылку в волны,
Кидаю в вихрь войн.
Пусть странствует она – свечой под
 праздник –
Вот так: из длани в длань.
О ветер, ветер, верный мой свидетель,
До милых донеси,
Что еженощно я во сне свершаю
Путь – с Севера на Юг.
Февраль 1920 Москва

«Доброй ночи чужестранцу в новой келье!..»
Доброй ночи чужестранцу в новой келье!
Пусть привидится ему на новоселье
Старый мир гербов и эполет.
Вольное, высокое веселье
Нас – что были, нас – которых нет!
Камердинер расстилает плед.
Пунш пылает. – В памяти балет
Розовой взметается метелью.
Сколько лепестков в ней – столько лет
Роскоши, разгула и безделья
Вам желаю, чужестранец и сосед!
Февраль <начало марта> 1920

Старинное благоговенье
Двух нежных рук оттолковенье –
В ответ на ангельские плутни.
У нежных ног отдохновенье,
Перебирая струны лютни.
Где звонкий говорок бассейна,
В цветочной чаше откровенье,
Где перед робостью весенней
Старинное благоговенье?
Окно, светящееся долго,
И гаснувший фонарь дорожный..
Вздых торжествующего долга
Где непреложное: «не можно»..
В последний раз – из мглы осенней –
Любезной ручки мановенье..
Где перед крепостью кисейной
Старинное благоговенье?
Он пишет кратко – и не часто..
Она, Психеи бестелесней,
Читает стих Экклезиаста
И не читает Песни Песней.

А песнь все та же, без сомненья,
Но, – в Боге все мое именье –
Где перед Библией семейной
Старинное благоговенье?
Между 6 <19> и 20 марта <2 апреля> 1920

«Люблю ли вас?..»
Люблю ли вас?
Задумалась.
Глаза большие сделались.
В лесах – река,
В кудрях – рука
– Упрямая – запуталась.
Любовь. – Старо.
Грызу перо.
Темно, – а свечку лень зажечь.
Быть – повести!
На то ведь и
Поэтом – в мир рождаешься!
На час дала,
Назад взяла.
(Уже перо летит в потемках!)
Так. Справимся.
Знак равенства
Между любовь – и Бог с тобой.
Что страсть? – Старо.
Вот страсть! – Перо!
– Вдруг – розовая роща – в дом!
Есть запахи –
Как заповедь...
Лоб уронила на руки.
Вербное воскресенье 9 <22> марта 1920

«Буду жалеть, умирая, цыганские песни...»
Буду жалеть, умирая, цыганские песни,
Буду жалеть, умирая..... перстни,
Дым папиросный – бессонницу – легкую стаю
Строк под рукой.
Бедных писаний своих Вавилонскую башню,
Писем – своих и чужих – огнедышащий холмик.
Дым папиросный – бессонницу – легкую смуту
Лбов под рукой.
3-й день Пасхи 1920

«Две руки, легко опущенные...»
Две руки, легко опущенные
На младенческую голову!
Были – по одной на каждую –
Две головки мне дарованы.
Но обеими – зажатými –
Яростными – как могла! –
Старшую у тьмы выхватывая –
Младшей не уберегла.
Две руки – ласкать-разглаживать
Нежные головки пышные.
Две руки – и вот одна из них
За ночь оказалась лишняя.
Светлая – на шейке тоненькой –
Одуванчик на стебле!
Мной еще совсем не понято,
Что дитя мое в земле.
Пасхальная неделя 1920

Сын
Так, левою рукой упершись в талью,
И ногу выставив вперед,
Стоишь. Глаза блистают сталью,
Не улыбается твой рот.

Краснее губы и чернее брови
Встречаются, но эта масть!
Светлее солнца! Час не пробил
Руны – под ножницами пасть.
Все женщины тебе целуют руки
И забывают сыновей.
Весь – как струна! Славянской скуки
Ни тени – в красоте твоей.
Остолбеневши от такого света,
Я знаю: мой последний час!
И как не умереть поэту,
Когда поэма удалась!
Так, выступив из черноты бессонной
Кремлевских башенных вершин,
Предстал мне в предрассветном сонме
Тот, кто еще придет – мой сын.
Пасхальная неделя 1920

«Как слабый луч сквозь черный мóрок адов...»
Как слабый луч сквозь черный мóрок адов –
Так голос твой под рокот рвущихся снарядов [14].
И вот, в громах, как некий серафим,
Оповещает голосом глухим
– Откуда-то из древних утр туманных –
Как нас любил, слепых и безымянных,
За синий плащ, за вероломства – грех...
И как – вернее всех – тó, глубже всех
В ночь канувшую на дела лихие!
И как не разлюбил тебя, Россия!
И вдоль виска – потерянным перстом –
Всё водит, водит... И еще о том,
Какие дни нас ждут, как Бог обманет,
Как станешь солнце звать – и как не встанет...
Так, узником с собой наедине
(Или ребенок говорит во сне?)
Предстало нам – всей площади широкой! –
Святое сердце Александра Блока.
Апрель 1920

«О, скромный мой кров! Нищий дым!..»
О, скромный мой кров! Нищий дым!
Ничто не сравнится с родным!
С окошком, где вместе горюем,
С вечерним, простым поцелуем
Куда-то в щеку, мимо губ...
День кончен, заложен засов.
О, ночь без любви и без снов!
– Ночь всех натрудившихся жниц, –
Чтоб завтра до света, до птиц
В упорстве души и костей
Работать во имя детей.
О, знать, что и в пору снегов
Не будет мой холм без цветов...
1 <14> мая 1920

«Сижу без света, и без хлеба...»
С. Э.

Сижу без света, и без хлеба,
И без воды.
Затем и насылает беды
Бог, что живой меня на небо
Взять замышляет за труды.
Сижу, – с утра ни корки черствой –
Мечту такую полюбя,
Что – может – всем своим покорством
– Мой Воин! – выкуплю тебя.
3<16> мая 1920

«На бренность бедную мою...»
На бренность бедную мою
Взираешь, слов не расточая.
Ты – каменный, а я пою,
Ты – памятник, а я летаю.
Я знаю, что нежнейший май
Пред оком Вечности – ничтожен.
Но птица я – и не пеняй,
Что легкий мне закон положен.
3 <16> мая 1920

«Писала я на аспидной доске...»
С. Э.

Писала я на аспидной доске,
И на листочках вееров поблѣклых,
И на речном, и на морском песке,
Коньками по льду и кольцом на стеклах, –
И на стволах, которым сотни зим,
И, наконец – чтоб было всем известно! –
Что ты любим! любим! любим! – любим! –
Расписывалась – радугой небесной.
Как я хотела, чтобы каждый цвел
В веках со мной! под пальцами моими!
И как потом, склонивши лоб на стол,
Крест-накрест перечеркивала – имя...
Но ты, в руке продажного писца
Зажатое! ты, что мне сердце жалишь!
Непроданное мной! внутри кольца!
Ты – уцелеешь на скрижалях.
5 <18> мая 1920

«Так из дому, гонимая тоской...»
«Я не хочу – не могу – и не умею Вас обидеть...»

Так из дому, гонимая тоской,
– Тобой! – всей женской памятью, всей жаждой,
Всей страстью – позабыть! – Как вал морской,
Ношусь вдоль всех штыков, мешков и граждан.
О вспененный высокий вал морской
Вдоль каменной советской Поварской!
Над дремлющей борзой склонюсь – и вдруг –
Твои глаза! – Все руки по иконам –
Твои! – О, если бы ты был без глаз, без рук,
Чтоб мне не помнить их, не помнить их,
не помнить!
И, приступом, как резвая волна,
Беру головоломные дома.
Всех перецеловала чередом.
Вишу в окне. – Москва в кругу просторном.
Ведь любит вся Москва меня! – А вот твой дом...
Смеюсь, смеюсь, смеюсь с зажатым горлом.
И пятилетний, прожевав пшено:
– «Без Вас нам скучно, а с тобой смешно»...
Так, оплетенная венком детей,
Сквозь сон – слова: «Боюсь, под корень рубит –
Поляк... Ну что? – Ну как? – Нет новостей?»
– «Нет, – впрочем, есть: что он меня не любит!»
И, репликою мужа изумив,
Иду к жене – внимать, как друг ревнив.
Стихи – цветы – (И кто их не дает
Мне за стихи?) в руках – целая вьюга!
Тень на домах ползет. – Вперед! Вперед!
Чтоб по людскому цирковому кругу
Дурную память загонять в конец, –
Чтоб только не очнуться, наконец!
Так от тебя, как от самой Чумы,

Вдоль всей Москвы –..... длинноногой
Кружить, кружить, кружить до самой тьмы –
Чтоб, наконец, у своего порога
Остановиться, дух переводя...
– И в дом войти, чтоб вновь найти – тебя!
4–16 <17–29> мая 1920

«Восхищенной и восхищённой...»
Восхищенной и восхищённой,
Сны видящей среди бела дня,
Все спящей видели меня,
Никто меня не видел сонной.
И оттого, что целый день
Сны проплывают пред глазами,
Уж ночью мне ложиться – лень.
И вот, тоскующая тень,
Стою над спящими друзьями.
4–16 <17–29> мая 1920

«Пригвождена к позорному столбу...»
Пригвождена к позорному столбу
Славянской совести старинной,
С змеею в сердце и с клеймом на лбу,
Я утверждаю, что – невинна.
Я утверждаю, что во мне покой
Причастницы перед причастьем.
Что не моя вина, что я с рукой
По площадям стою – за счастьем.
Пересмотрите все мое добро,
Скажите – или я ослепла?
Где золото мое? Где серебро?
В моей руке – лишь горстка пепла!
И это всё, что лестью и мольбой
Я выпросила у счастливых.
И это всё, что я возьму с собой
В край целований молчаливых.
19 мая <1 июня> 1920

«Пригвождена к позорному столбу...» (2)
Пригвождена к позорному столбу,
Я все ж скажу, что я тебя люблю.
Что ни одна до самых недр – мать
Так на ребенка своего не взглянет.
Что за тебя, который делом занят,
Не умереть хочу, а умирать.
Ты не поймешь, – малы мои слова! –
Как мало мне позорного столба!
Что если б знамя мне доверил полк,
И вдруг бы ты предстал перед глазами –
С другим в руке – окаменев как столб,
Моя рука бы выпустила знамя...
И эту честь последнюю поправ,
Прениже ног твоих, прениже трав.
Твоей рукой к позорному столбу
Пригвождена – березкой на лугу
Сей столб встает мне, и не рокот толп –
То голуби воркуют утром рано...
И всё уже отдав, сей черный столб
Я не отдам – за красный нимб Руана!
19 мая <1 июня> 1920

«Руку на сердце положи...»
Кричали женщины ура

И в воздух чепчики бросали...

Руку на сердце положи:
Я не знатная госпожа!

Я – мятежница лбом и чревом.
Каждый встречный, вся площадь, – все! –
Подтвердят, что в дурном родстве
Я с своим родословным древом.
Кремль! Черна чернотой твоей!
Но не скрою, что всех мощней
Преценнее мне – пепел Гришки!
Если ж чепчик кидаю вверх, –
Ах! не так же ль кричат на всех
Мировых площадях – мальчишки?!
Да, ура! – За царя! – Ура!
Восхитительные утра
Всех, с начала вселенной, въездов!
Выше башен летит чепец!
Но – минуя литой венец
На челе истукана – к звездам!
8 <21> мая 1920

«Кто создан из камня, кто создан из глины...»
Кто создан из камня, кто создан из глины, –
А я серебрюсь и сверкаю!
Мне дело – измена, мне имя – Марина,
Я – брэнная пена морская.
Кто создан из глины, кто создан из плоти –
Тем гроб и надгробные плиты...
– В купели морской крещена – и в полете
Своем – непрестанно разбита!
Сквозь каждое сердце, сквозь каждые сети
Пробьется мое своеволие.
Меня – видишь кудри беспутные эти? –
Земною не сделаешь солью.
Дробясь о гранитные ваши колена,
Я с каждой волной – воскресаю!
Да здравствует пена – веселая пена –
Высокая пена морская!
10 <23> мая 1920

Еврейам
Так бессеребрено – так бескорыстно,
Как отрок – нежен и как воздух синь,
Приветствую тебя ныне и присно
Во веки веков. – Аминь. –
Двойной вражды в крови своей поповской
И шляхетской – стираю письмена.
Приветствую тебя в Кремле московском,
Чужая, чудная весна!
Кремль почерневший! Попран! – Предан! – Продан!
Над куполами воронье кружит.
Перекрестясь – со всем простым народом
Я повторяла слово: жид.
И мне – в братоубийственном угаре –
Крест православный – Бога затемнял!
Но есть один – напрасно имя Гарри
На Генриха он променял!
Ты, гренадеров певший в русском поле,
Ты, тень Наполеонова крыла, –
И ты жидом пребудешь мне, доколе
Не просияют купола!
Май 1920

«И что тому костер остылый...»
И что тому костер остылый,
Кому разлука – ремесло!
Одной волною накатило,
Другой волною унесло.
Ужели в раболепном гневe
За милым поползу ползком –
Я, выношенная во чреве

Не материнском, а морском!
Кусай себе, дружок родный,
Как яблоко – весь шар земной!
Беседуя с пучиной водной,
Ты все ж беседуешь со мной.
Подобно земнородной деве,
Не скрестит две руки крестом –
Дщерь, выношенная во чреве
Не материнском, а морском!
Нет, наши девушки не плачут,
Не пишут и не ждут вестей!
Нет, снова я пушусь рыбачить
Без невода и без сетей!
Какая власть в моем напеве, –
Одна не ведаю о том, –
Я, выношенная во чреве
Не материнском, а морском.
Такое уж мое именье:
Весь век дарю – не издарю!
Зато прибрежные каменья
Дробя, – свою же грудь дроблю!
Подобно пленной королеве,
Что молвлю на суду простом –
Я, выношенная во чреве
Не материнском, а морском.
31 мая <13 июня> 1920

«Вчера еще в глаза глядел...»
Вчера еще в глаза глядел..
А нынче – всё косится в сторону!
Вчера еще до птиц сидел,
– Все жаворонки нынче – вороны!
Я глупая, а ты умен,
Живой, а я остолбенелая.
О вопль женщин всех времен:
«Мой милый, что тебе я сделала?!»
И слезы ей – вода, и кровь –
Вода, – в крови, в слезах умылася!
Не мать, а мачеха – Любовь:
Не ждите ни суда, ни милости.
Увозят милых корабли,
Уводит их дорога белая..
И стон стоит вдоль всей земли:
«Мой милый, что тебе я сделала?»
Вчера еще – в ногах лежал!
Равнял с Китайскою державою!
Враз обе рученьки разжал,
– Жизнь выпала – копейкой ржавою!
Детоубийцей на суду
Стою – немилая, несмелая.
Я и в аду тебе скажу:
«Мой милый, что тебе я сделала?»
Спрошу я стул, спрошу кровать:
«За что, за что терплю и бедствую?»
«Отцеловал – колесовать:
Другую целовать», – отвечают.
Жить приучил в самом огне,
Сам бросил – в степь заледенелую!
Вот что ты, милый, сделал мне!
Мой милый, что тебе – я сделала?
Все ведаю – не прекословь!
Вновь зрячая – уж не любовница!
Где отступается Любовь,
Там подступает Смерть-садовница.
Само – что дерево трясти! –
В срок яблоко спадает спелое..
– За все, за все меня прости,
Мой милый, – что тебе я сделала!

Ex-si-devant[15] (Отзвук Стаховича)
Хоть сто мозолей – трех веков не скроешь!
Рук не исправишь – топором рубя!
О, откровеннейшее из сокровищ:
Порода! – узнаю Тебя.
Как ни коптись над ржавой сковородкой –
Всё вокруг тебя твоих Версалеи – тишь.
Нет, самую косою косовороткой
Ты шею не укоротишь.
Над снежным валом иль над трубной сажеей
Дугой согбен, всё ж – гордая спина!
Не окриком, – всё той же барской блажью
Тебе работа задана.
Выменивай по нищему Арбату
Дрянную сельдь на пачку папирос –
Всё равенство нарушит – нос горбатый:
Ты – горбонос, а он – курнос.
Но если вдруг, утомлено получкой,
Тебе дитя цветок протянет – в дань,
Ты так же поцелуешь эту ручку,
Как некогда – царицы длань.
Июль 1920

«Смерть – это нет...»
Смерть – это нет,
Смерть – это нет,
Смерть – это нет.
Нет – матерям,
Нет – пекарям.
(Выпек – не съешь!)
Смерть – это так:
Недостроенный дом,
Недовзращенный сын,
Недовязанный сноп,
Недодышанный вздох,
Недокрикнутый крик
Я – это да,
Да – навсегда,
Да – вопреки,
Да – через всё!
Даже тебе
Да кричу, Нет!
Стало быть – нет,
Стало быть – вздор,
Календарная ложь!
<Июль 1920>

«Я вижу тебя черноокой, – разлука!..»
Я вижу тебя черноокой, – разлука!
Высокой, – разлука! – Одинокой, – разлука!
С улыбкой, сверкнувшей, как ножик, – разлука!
Совсем на меня не похожей – разлука!
На всех матерей, умирающих рано,
На мать и мою ты похожа, – разлука!
Ты так же вуаль оправляешь в прихожей.
Ты Анна над спящим Сережей, – разлука!
Стрясается – в дом забредешь желтоглазой
Цыганкой, – разлука! – молдаванкой, – разлука!
Без стука, – разлука! – Как вихрь заразный
К нам в жилы врываешься – лихорадкой, – разлука!
И жжешь, и звенишь, и топчешь, и свищешь,
И ревешь, и рокочешь – и – разорванным шелком –
– Серым волком, – разлука! – Не жалея ни деда,
ни внука, – разлука!
Филином-птицей – разлука! Степной кобылицей, –
разлука!

Не потомком ли Разина – широкоплечим, ражим,
рыжим

я погромщиком тебя увидала, – разлука?
– Погромщиком, выпускающим кишки и перины?..

* * *

Ты нынче зовешься Мариной, – разлука!
Конец июля 1920

«И вот исчез, в черную ночь исчез...»
И вот исчез, в черную ночь исчез,
– Как некогда Иосиф, плащ свой бросив.
Гляжу на плащ – черного блеска плащ,
Земля <горит>, а сердце – смерти просит.
Жестокосердый в сем году июль,
Лесною гарью душит воздух ржавый.
В ушах – туман, и в двух шагах – туман,
И солнце над Москвой – как глаз кровавый.
Гарь торфяных болот. – Рот пересох.
Не хочет дождь на грешные просторы!
– Гляжу на плащ – светлого плеску – плащ!
Ты за плащом своим придешь не скоро.
<Начало августа 1920>

«Июнь. Июль. Часть соловьиной дрожи...»
Июнь. Июль. Часть соловьиной дрожи.
– И было что-то птичье в нас с тобой –
Когда – ночь соловьиною тревожа –
Мы обмирали – каждый над собой!
А Август – царь. Ему не до рулады,
Ему – до канонады Октября.
Да, Август – царь. – Тебе царей не надо, –
А мне таких не надо – без царя!
<Август 1920>

«В подвалах – красные окошки...»
В подвалах – красные окошки.
Визжат несчастные гармошки, –
Как будто не было флажков,
Мешков, штыков, большевиков.
Так русский дух с подвалом сросся, –
Как будто не было и вовсе
На Красной площади – гробов,
Ни обезглавленных гербов.
..... ладонь с ладонью –
Так наша жизнь слилась с гармонью.
Как будто интернационал
У нас и дня не гостевал.
Август 1920

«Проста моя осанка...»
Проста моя осанка,
Нищ мой домашний кров.
Ведь я островитянка
С далеких островов!
Живу – никто не нужен!
Взошел – ночей не сплю.
Согреть чужому ужин –
Жилье свое сплю.
Взглянул – так и знакомый,
Взошел – так и живи.
Просты наши законы:
Написаны в крови.
Луну заманим с неба
В ладонь – коли мила!
Ну а ушел – как не был,
И я – как не была.
Гляжу на след ножовый:
Успеет ли зажить

Борисоглебский, 6. Из лирического дневника 1914–1922. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
До первого чужого,
Который скажет: пить.
Август 1920

Петру
Вся жизнь твоя – в едином крике:
– На дедов – за сынов!
Нет, Государь Распровеликий,
Распорядитель снов,
Не на своих сынов работал, –
Бесам на торжество! –
Царь-Плотник, не стирая пота
С обличья своего.
Не ты б – всё по сугробам санки
Тащил бы мужичок.
Не гнил бы там на полустанке
Последний твой внучок.
Не ладил бы, лба не подъямля,
Ребятчих кораблёв –
Вся Русь твоя святая в землю
Не шла бы без гробов.
Ты под котел кипящий этот –
Сам подложил углей!
Родоначальник – ты – Советов,
Ревнитель Ассамблей!
Родоначальник – ты – развалин,
Тобой – скиты горят!
Твоею же рукой провален
Твой баснословный град..
Соль высолил, измылил мыльце –
Ты, Государь-кустарь!
Державного однофамильца
Кровь на тебе, бунтарь!
Но нет! Конiec твоим затеям!
У брата есть – сестра..
– На Интернационал – за терем!
За Софью – на Петра!
Август 1920

«Есть в стане моем – офицерская прямоть...»
Есть в стане моем – офицерская прямоть,
Есть в ребрах моих – офицерская честь.
На всякую муку иду не упрямясь:
Терпенье солдатское есть!
Как будто когда-то прикладом и сталью
Мне выправили этот шаг.
Недаром, недаром черкесская талья
И тесный ремённый кушак.
А зорю заслышу – Отец ты мой родный! –
Хоть райские – штурмом – врата!
Как будто нарочно для сумки походной –
Раскинутых плеч широта.
Всё может – какой инвалид ошалелый
Над люлькой мне песенку спел..
И что-то от этого дня – уцелело:
Я слово беру – на прицел!
И так мое сердце над Рэ-сэ-фэ-с Эром
Скрежещет – корми-не корми! –
Как будто сама я была офицером
В Октябрьские смертные дни.
Сентябрь 1920

«Об ушедших – отошедших...»
Об ушедших – отошедших –
В горный лагерь перешедших,
В белый стан тот журавлиный –
Голубиный – лебединый –
О тебе, моя высь,

Говорю, – отзовись!
О молодых дубовых рощах,
В небо росших и не взрослых,
Об упавших и не вставших, –
В вечность перекочевавших, –
О тебе, наша Честь,
Воздыхаю – дай весть!
Каждый вечер, каждый вечер
Руки вам тяну навстречу.
Там, в просторах голубиных –
Сколько у меня любимых!
Я на красной Руси
Зажилась – вознеси!
Октябрь 1920

«Целовалась с нищим, с вором, с горбачом...»
Целовалась с нищим, с вором, с горбачом,
Со всей каторгой гуляла – нипочем!
Алых губ своих отказом не тружу,
Прокаженный подойди – не откажу!
Пока молода –
Всё как с гуся вода!
Никогда никому:
Нет!
Всегда – да!
Что за дело мне, что рваный ты, босой:
Без разбору я кошу, как смерть косою!
Говорят мне, что цыган-ты-конокрад,
Про тебя еще другое говорят...
А мне что за беда –
Что с копытом нога!
Никогда никому:
Нет!
Всегда – да!
Блещут, плещут, хлещут раны – кумачом,
Целоваться я не стану – с палачом!
Москва, ноябрь 1920

(Взятие Крыма)
И страшные мне снятся сны:
Телега красная,
За ней – согбенные – моей страны
Идут сыны.
Золотокудрого воздев
Ребенка – матери
Вопят. На паперти
На стяг
Пурпуровой маша рукой беспалой
Вопит калека, тряпкой алой
Горит безногого костыль,
И красная – до неба – пыль.
Колеса ржавые скрипят.
Конь пляшет, взбешенный.
Все окна флагами кипят.
Одно – завешено.
Ноябрь 1920

«Буду выпрашивать воды широкого Дона...»
Буду выпрашивать воды широкого Дона,
Буду выпрашивать волны турецкого моря,
Смуглое солнце, что в каждом бою им светило,
Гулкие выси, где ворон, насытившись, дремлет.
Скажет мне Дон: – Не видал я таких загорелых!
Скажет мне море: – Всех слез моих плакать –
не хватит!
Солнце в ладони уйдет, и прокаркает ворон:
Трижды сто лет живу – кости не видел белее!
Я журавлем полечу по казачьим станицам:

Плачут! – дорожную пыль допрошу: провожает!
Машет ковыль–трава вслед, распушила султаны.
Красен, ох, красен кизиль на горбу Перекопа!
Всех допрошу: тех, кто с миром в ту лютую пору
В люльке мотались.
Череп в камнях – и тому не уйти от допросу:
Белый поход, ты нашел своего летописца.
Ноябрь 1920

«Знаю, умру на заре! На которой из двух...»
Знаю, умру на заре! На которой из двух,
Вместе с которой из двух – не решить по заказу!
Ах, если б можно, чтоб дважды мой факел потух!
Чтоб на вечерней заре и на утренней сразу!
Пляшущим шагом прошла по земле! – Неба дочь!
С полным передником роз! – Ни ростка не наруша!
Знаю, умру на заре! – Ястребиную ночь
Бог не пошлет по мою лебединую душу!
Нежной рукой отведя нецелованный крест,
В щедрое небо рванусь за последним приветом.
Прорезь зари – и ответной улыбки прорез...
Я и в предсмертной икоте останусь поэтом!
Москва, декабрь 1920

«Ох, грибок ты мой, грибочек, белый груздь!..»
Ох, грибок ты мой, грибочек, белый груздь!
То шатаясь причитает в поле – Русь.
Помогите – на ногах нетверда!
Затуманила меня кровь–руда!
И справа и слева
Кровавые зевы,
И каждая рана:
– Мама!
И только и это
И внятно мне, пьяной,
Из чрева – и в чрево:
– Мама!
Все рядком лежат –
Не развесть межой.
Поглядеть: солдат.
Где свой, где чужой?
Белый был – красным стал:
Кровь обагрила.
Красным был – белый стал:
Смерть побелила.
– Кто ты? – белый? – не пойму! – привстань!
Аль у красных пропадал? – Ря – азань.
И справа и слева
И сзади и прямо
И красный и белый:
– Мама!
Без воли – без гнева –
Протяжно – упрямо –
До самого неба:
– Мама!
Декабрь 1920

1921

«С Новым Годом, лебединый стан!..»
С Новым Годом, лебединый стан!
Славные обломки!
С Новым Годом – по чужим местам –
Воины с котомкой!
С пеной у рта пляшет, не догнав,
Красная погоня!
С Новым Годом – битая – в бегах
Родина с ладонью!
Приклонись к земле – и вся земля

Песней заздравной.

Это, Игорь, – Русь через моря

Плачет Ярославной.

Томным стоном утомляет грусть:

– Брат мой! – Князь мой! – Сын мой!

– С Новым Годом, молодая Русь

За морем за синим!

31 русск<ого>декабря 1920

<13 января 1921>

Москва

Роландов рог

Как нежный шут о злом своем уродстве,

Я повествую о своем сиротстве...

За князем – род, за серафимом – сонм,

За каждым – тысячи таких, как он,

Чтоб, пошатнувшись, – на живую стену

Упал и знал, что – тысячи на смену!

Солдат – полком, бес – легионом горд.

За вором – сброд, а за шутком – всё горб.

Так, наконец, усталая держаться

Сознанием: перст и назначением: драться,

Под свист глупца и мещанина смех –

Одна из всех – за всех – противу всех! –

Стою и шлю, закаменев от взлёту,

Сей громкий зов в небесные пустоты.

И сей пожар в груди тому залог,

Что некий Карл тебя услышит, рог!

Март 1921

Ученик

Сказать – задумалась о чем?

В дождь – под одним плащом,

В ночь – под одним плащом, потом

В гроб – под одним плащом.

«1. Быть мальчиком твоим светлоголовым...»

Быть мальчиком твоим светлоголовым,

– О, через все века! –

За пыльным пурпуром твоим брести в суровом

Плаще ученика.

Улавливать сквозь всю людскую гущу

Твой вздох животворящ

Душой, дыханием твоим живущей,

Как дуновеньем – плащ.

Победоноснее Царя Давида

Чернь раздвигать плечом.

От всех обид, от всей земной обиды

Служить тебе плащом.

Быть между спящими учениками

Тем, кто во сне – не спит.

При первом чернью занесенном камне

Уже не плащ – а щит!

(О, этот стих не самовольно прерван!

Нож чересчур остер!)

И – вдохновенно улыбнувшись – первым

Взойти на твой костер.

2 <15> апреля 1921

«2. Есть некий час – как сброшенная клажа...»

Есть некий час...

Тютчев

Есть некий час – как сброшенная клажа:

Когда в себе гордыню укротим.

Час ученичества, он в жизни каждой
Торжественно–неотвратим.

Высокий час, когда, сложив оружие

К ногам указанного нам – Перстом,

Мы пурпур Воина на мех верблюжий

Сменяем на песке морском.

О этот час, на подвиг нас – как Голос

Вздымающий из своеволя дней!

О этот час, когда как спелый колос

Мы клонимся от тяжести своей.

И колос взрос, и час веселый пробил,

И жерновов возжаждало зерно.

Закон! Закон! Еще в земной утробе

Мной вожденное ярмо.

Час ученичества! Но зрим и ведом

Другой нам свет, – еще заря зажглась.

Благословен ему грядущий следом

Ты – одиночества верховный час!

2 <15> апреля 1921

«Душа, не знающая меры...»

Душа, не знающая меры,

Душа хлыста и изувера,

Тоскующая по бичу.

Душа – навстречу палачу,

Как бабочка из хризалиды!

Душа, не съевшая обиды,

Что больше колдунов не жгут.

Как смоляной высокий жгут

Дымящая под власяницей...

Скрежещущая еретица,

– Савонароловой сестра –

Душа, достойная костра!

27 апреля <10 мая> 1921

Марина

«1. Быть голубкой его орлиной!..»

Быть голубкой его орлиной!

Больше матери быть, – Мариной!

Вестовым – часовым – гонцом –

Знаменосцем – льстецом придворным!

Серафимом и псом дозорным

Охранять непокойный сон.

Сальных карт захватив колоду,

Ногу в стремя! – сквозь огонь и воду!

Где верхом – где ползком – где вплавь!

Тростником – ивняком – болотом,

А где конь не берет, – там летом,

Все ветра полонивши в плащ!

Черным вихрем летя беззвучным,

Не подругою быть – сподручным!

Не единою быть – вторым!

Близнецом – двойником – крестовым

Стройным братом, огнем костровым,

Ятаганом его кривым.

Гул кремлевских гостей незваных.

Если имя твое – Басманов,

Отстранись. – Уступи любви!

Распахнула платок нагрудный.

– Руки настечь! – Чтоб в день свой судный

Не в басмановской встал крови.

28 апреля <11 мая> 1921

«2. Трем Самозванцам жена...»

Трем Самозванцам жена,

Мнишка надменного дочь,

Ты – гордецу своему
Не родившая сына...
В простоволосости сна
В гулкий оконный пролет
Ты, гордецу своему
Не махнувшая следом...
На роковой площади
От оплеух и плевков
Ты, гордеца своего
Не покрывшая телом...
В маске дурацкой лежал,
С дудкой кровавой во рту.
– Ты, гордецу своему
Не отершая пота...
– Своекорыстная кровь! –
Проклята, проклята будь
Ты – Лжедмитрию смогшая быть
Лжемариной!
28 апреля <11 мая> 1921

Кн. С. М. Волконскому
Стальная выправка хребта
И вороненой стали волос.
И чудодейственный – слегка –
Чуть прикасающийся голос.
Какое-то скольжение вдоль –
Ввысь – без малейшего нажима...
О дух неуловимый – столь
язвящий – сколь неуживимый!
Земли не чующий, ничей,
О безучастие, с которым
– Сиятельный – лишь тень вещей
Следишь высокомерным взором.
В миг отрывающийся – весь!
В лад дышащий – с одной вселенной!
Всегда отсутствующий здесь,
Чтоб там присутствовать бессменно.
Май 1921

«Башенный бой...»
Башенный бой
Где-то в Кремле.
Где на земле,
Где –
Крепость моя,
Кротость моя,
Доблесть моя,
Святость моя.
Башенный бой.
Брошенный бой.
Где на земле –
Мой
Дом,
Мой – сон,
Мой – смех,
Мой – свет,
Узких подошв – след.
Точно рукой
Сброшенный в ночь –
Бой.
– Брошенный мой!
Май 1921

«Уроненные так давно...»
Уроненные так давно
Вздымаю руки.
В пустое черное окно
Пустые руки

Бросаю в полуночный бой
Часов, – домой
Хочу! – Вот так: вниз головой
– С башни! – Домой!
Не о бульжник площадной:
В шепот и шелест...
Мне некий воин молодой
Крыло подстелет.
Май 1921

«Всё круче, всё круче...»
Всё круче, всё круче
Заламывать руки!
Меж нами не версты
Земные, – разлуки
Небесные реки, лазурные земли,
Где друг мой навеки уже –
Неотъемлем.
Стремит столбовая
В серебряных сбруях.
Я рук не ломаю!
Я только тяну их
– Без звука! –
Как дерево-машет-рябина
В разлуку,
Во след журавлиному клину.
Стремит журавлиный,
Стремит безоглядно.
Я спеси не сбавлю!
Я в смерти – нарядной
Пребуду – твоей быстроте златоперой
Последней опорой
В потерях простора!
Июнь 1921

«Твои черты...»
Твои... . черты,
Запечатленные Кануном.
Я буду стариться, а ты
Останешься таким же юным.
Твои... . черты,
Обточенные ветром знойным.
Я буду горбиться, а ты
Останешься таким же стройным.
Волос полуденная тень,
Склоненная к моим сединам...
Ровесник мой год в год, день в день,
Мне постепенно станешь сыном...
Нам вместе было тридцать шесть,
Прелестная мы были пара...
И – радугой – благая весть:
..... – не буду старой!
Троицын день 1921

Вестнику
Скрежещут якорные звенья,
Вперед, крылатое жильё!
Покрепче чем благословенье
С тобой – веление мое!
Мужайся, корабельщик юный!
Вперед в лазоревую рожь!
Ты больше нежели фортуны –
Ты сердце Цезаря везешь!
Смирят лазоревую ярость
Ресниц моих – единый взмах!
Дыханием надут твой парус
И не нуждается в ветрах!
Обветренные руки стиснув,

Борисоглебский, 6. Из лирического дневника 1914–1922. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

Слежу. – Не верь глазам! – Всё ложь!

Доподлинный и рукописный

Приказ Монархини везешь.

Два слова, звонкие как шпоры,

Две птицы в боевом грому.

То зов мой – тысяча который? –

К единственному одному.

В страну, где солнце правосудья

Одно для нищих и вельмож

– Между рубахою и грудью –

Ты сердце Матери везешь.

20 июня <3 июля> 1921

«О всеми ветрами...»

О всеми ветрами

Колеблемый лотос!

Георгия – робость,

Георгия – кротость...

Очей непомерных

– Широких и влажных –

Суровая – детская – смертная важность.

Так смертная мука

Глядит из тряпья.

И вся непомерная

Тяжесть копья.

Не тот – высочайший,

С усмешкою гордой:

Кротчайший Георгий,

Тишайший Георгий,

Горчайший – свеча моих бдений –

Георгий,

Кротчайший – с глазами оленя – Георгий!

(Трепещущей своре

Простивший олень).

– Которому пробил

Георгиев день.

О лотос мой!

Лебедь мой!

Лебедь! Олень мой!

Ты – все мои бденья

И все сновиденья!

Пасхальный тропарь мой!

Последний алтын мой!

Ты, больше чем Царь мой,

И больше, чем сын мой!

Лазурное око мое –

В вышину!

Ты блудную снова

Взнесший жену.

– Так слушай же!..

1 <14> июля 1921

(Не dokonчено за письмом.)

«В сокровищницу...»

В сокровищницу

Полуночных глубин

Недрогнувшую

Опускаю ладонь.

Меж водорослей –

Ни приметы его!

Сокровища нету

В морях – моего!

В заоблачную

Песнопенную высь –

Двумолнием

Осмелеваюсь – и вот

Мне жаворонок

Обронил с высоты –
Что за морем ты,
Не за облаком ты!
2 <15> июля 1921

«Жив и здоров!..»
Жив и здоров!
Громче громов –
Как топором –
Радость!
Нет, топором
Мало: быком
Под обухом
Счастья!
Оглушена,
Устрашена.
Что же взамен –
Вырвут?
И от колен
Вплоть до корней
Вставших волос –
Ужас.
Стало быть жив?
Веки смежив,
Дышишь, зовут –
Слышишь?
Вывез корабль?
О мой журавль
Младший – во всей
Стае!
Мертв – и воскрес?!
Вздоху в обрез,
Камнем с небес,
Ломом
По голове, –
Нет, по эфес
Шпагою в грудь –
Радость!
3 <16> июля 1921

«Во имя расправы...»
Во имя расправы
Крепись, мой Крылатый!
Был час переправы,
А будет – расплаты.
В тот час стопудовый
– Меж бредом и былью –
Гребли тяжело
Корабельные крылья.
Меж сциллою – да! –
И Харибдой гребли.
О крылья мои,
Журавли-корабли!
Тогда по крутому
Эвксинскому берегу
Был топот Побега,
А будет – Победы.
В тот час непосильный
– Меж дулом и хлябью –
Сердца не остыли,
Крыла не ослабли,
Плеча напирали,
Глаза стерегли.
– О крылья мои,
журавли-корабли!
Птенцов узколистых
Не давши в обиду,
Сказалось –

Орлицыно сердце Тавриды.
На крик длинноклювый
– С ерами и с ятью! –
Проснулась –
Седая Монархиня–мать.
И вот уже купол
Софийский – вдали...
О крылья мои,
Журавли–корабли!
Крепитесь! Кромешное
Дрогнет созвездье.
Не с моря, а с неба
Ударит Возмездье.
Глядите: небесным
Свинцом налитая,
Грозна, тяжела
Корабельная стая.
И нету конца ей,
И нету земли...
– О крылья мои,
Журавли–корабли!
7 <20> июля 1921

«Огнепоклонник! Красная масть!..»
Огнепоклонник! Красная масть!
Завороженный и ворожащий!
Как годовалый – красную пасть
Льва, в пурпуровую кипь, в чашу –
Око и бровь! Перст и ладонь!
В самый огонь, в самый огонь!
Огнепоклонник! Страшен твой бог!
Пляшет твой бог, на смерть ударив!
Думаешь – глаз? Красный всполох –
Око твое! – Перебег зарев...
А пока жив – прядай и сыпь
В самую кипь! В самую кипь!
Огнепоклонник! Не опалюсь!
По мановенью – горят, гаснут!
Огнепоклонник! Не поклонюсь!
В черных пустотах твоих красных
Стройную мощь выкрутив в жгут
Мой это бьет – красный лоскут!
14 <27> августа 1921

«Останешься нам иноком...»
Останешься нам иноком:
Хорошеньким, любименьким,
Требником рукописным,
Ларчиком кипарисным.
Всем – до единой – женщинам,
Им, ласточкам, нам, венчанным,
Нам, злату, тем, сединам,
Всем – до единой – сыном
Останешься, всем – первенцем,
Покинувшим, отвергнувшим,
Посохом нашим странным,
Странником нашим ранним.
Всем нам с короткой надписью
Крест на Смоленском кладбище
Искать, всем никнуть в чéред,
Всем....., не верить.
Всем – сыном, всем – наследником,
Всем – первеньким, последненьким.
15 <28> августа 1921

«Други его – не тревожьте его!..»
Други его – не тревожьте его!
Слуги его – не тревожьте его!

Было так ясно на лице его:
Царство мое не от мира сего.
Вещие вьюги кружили вдоль жил,
Плечи сутулые гнулись от крыл,
В певчую прорезь, в запекшийся пыл –
Лебедем душу свою упустил!
Падай же, падай же, тяжкая медь!
Крылья извели право: лететь!
Губы, кричавшие слово: ответь! –
Знают, что этого нет – умереть!
Зори пьют, море пьет – в полную сыть
Бражничают. – Панихид не служить!
У навсегда повелевшего: быть! –
Хлеба достанет его накормить!
15 <28> августа 1921

«Не проломанное ребро...»
Не проломанное ребро –
Переломленное крыло.
Не расстрельщиками навывлет
Грудь простреленная, – не вынуть
Этой пули. – Не чинят крыл.
Изуродованный ходил.
* * *

Цепок, цепок венец из терний!
Что усопшему – трепет черни,
Женской лести лебяжий пух...
Проходил, одинок и глух,
Замораживая закаты
Пустотою безглазых статуй.
Лишь одно еще в нем жило:
Переломленное крыло.
Август 1921

«Соревнования короста...»
Соревнования короста
В нас не осилила родства.
И поделили мы так просто:
Твой – Петербург, моя – Москва.
Блаженно так и бескорыстно
Мой гений твоему внимал.
На каждый вздох твой рукописный
Дыхания вздымался вал.
Но вал моей гордыни польской –
Как пал он! – С златозарных гор
Мои стихи – как добровольцы
К тебе стекались под шатер...
Дойдет ли в пустоте эфира
Моя лирическая лесть?
И безутешна я, что женской лиры
Одной, одной мне тягу несть.
30 августа <12 сентября> 1921

Маяковскому
Превыше крестов и труб,
Крещенный в огне и дыме,
Архангел-тяжелоступ –
Здорово в веках, Владимир!
Он возчик и он же конь,
Он прихоть и он же право.
Вздыхнул, поплевал в ладонь:
– Держись, ломовая слава!
Певец площадных чудес –
Здорово, гордец чумазый,
Что камнем – тяжеловес
Избрал, не прельстясь алмазом.
Здорово, булыжный гром!
Зевнул, козырнул – и снова

Борисоглебский, 6. Из лирического дневника 1914–1922. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Оглоблей гребет – крылом
Архангела ломового.
5 <18> сентября 1921

«Гордость и робость – рódные сестры...»
Гордость и робость – рódные сестры,
Над колыбелью, дружные, встали.
«Лоб запрокинув!» – гордость велела.
«Очи потупив!» – робость шепнула.
Так прохожу я – очи потупив –
Лоб запрокинув – Гордость и Робость.
7 <20> сентября 1921

«Следок твой непытан...»
Следок твой непытан,
Вихор твой – колтун.
Скрипят под копытом
Разрыв да плакун.
Нетоптанный путь,
Непутевый огонь. –
Ох, Родина-Русь,
Неподкованный конь!
Кумач твой без сбыту,
Палач твой без рук
Худое корыто
В хоромах – да крюк
Корюю нажрусь, –
Не диковина нонь!
– Ох, Родина-Русь,
Зачарованный конь!
Не вскочишь – не сядешь!
А сел – не пеняй!
Один тебе всадник
По нраву – Мамай!
Раскосая гнусь,
Воровская ладонь...
– Эх, Родина-Русь,
Нераскаянный конь!
25 сентября <8 октября> 1921

«Уже богов – не те уже щедроты...»
Уже богов – не те уже щедроты
На берегах – не той уже реки.
В широкие закатные ворота
Венерины, летите, голубки!
Я ж на песках похолодевших лега,
В день отойду, в котором нет числа...
Как змей на старую взирает кожу –
Я молодость свою переросла.
4 <17> октября 1921

«Блаженны дочерей твоих, Земля...»
Блаженны дочерей твоих, Земля,
Бросавшие для боя и для бега.
Блаженны в Елисейские поля
Вступившие, не обольстившись негой.
Там лавр растет, – жестоколист и трезв,
Лавр-летописец, горячитель боя.
– Содружества заоблачный отвес
Не променяю на юдоль Любви.
4 <17> октября 1921

«С такую силой в подбородок руку...»
С такую силой в подбородок руку
Вцепив, что судорогой вьется рот,
С такую силою поняв разлуку,
Что, кажется, и смерть не разведет –
Так знаменосец покидает знамя,

Так на помосте матерям: Пора!
Так в ночь глядит – последними глазами –
Наложница последнего царя.
11 <24> октября 1921

«Молодость моя! Моя чужая...»
Молодость моя! Моя чужая
Молодость! Мой сапожок непарный!
Воспаленные глаза сужая,
Так листок срывают календарный.
Ничего из всей твоей добычи
Не взяла задумчивая Муза.
Молодость моя! – Назад не кличу.
Ты была мне ношей и обузой.
Ты в ночи нашептывала гребнем,
Ты в ночи оттачивала стрелы.
Щедростью твоей давясь, как щебнем,
За чужие я грехи терпела.
Скипетр тебе вернув до срока –
Что уже душе до яств и брашна!
Молодость моя! Моя морока –
Молодость! Мой лоскуток кумашный!
5 <18> ноября 1921

Муза
Ни грамот, ни праотцев,
Ни ясного сокола.
Идет-отрывается, –
Такая далекая!
Под смуглыми веками –
Пожар златокрылый.
Рукою обветренной
Взяла – и забыла.
Подол неподобранный,
Ошметок оскаленный.
Не злая, не добрая,
А так себе: дальняя.
Не плачет, не сетует:
Рванул – так и милый!
Рукою обветренной
Дала – и забыла.
Забыла – и рассыпью
Гортанною, клекотом...
– Храни ее, Господи,
Такую далекую!
6 <19> ноября 1921

«Скоро уж из ласточек – в колдуньи!..»
Скоро уж из ласточек – в колдуньи!
Молодость! Простимся накануне...
Постоим с тобою на ветру!
Смуглая моя! Утешь сестру!
Полыхни малиновою юбкой,
Молодость моя! Моя голубка
Смуглая! Раззор моей души!
Молодость моя! Утешь, спляши!
Полосни лазоревою шалью,
Шалая моя! Пошалевали
Досыта с тобой! – Спляши, ошпарь!
Золотце мое-прощай-янтарь!
Неспроста руки твоей касаюсь,
Как с любовником с тобой прощаюсь.
Вырванная из грудных глубин –
Молодость моя! – Иди к другим!
7 <20> ноября 1921

«Без зова, без слова...»
Без зова, без слова, –

Как кровельщик падает с крыш.
А может быть снова
Пришел, – в колыбели лежишь?
Горишь и не меркнешь,
Светильник немногих недель...
Какая из смертных
Качает твою колыбель?
Блаженная тяжесть!
Пророческий певчий камыш!
О кто мне расскажет,
В какой колыбели лежишь?
«Покамест не продан!» –
Лишь с ревностью этой в уме
Великим обходом
Пойду по российской земле.
Полночные страны
Пройду из конца и в конец.
Где рот-его-рана,
Очей синеватый свинец?
Схватить его! Крепче!
Любить и любить, пока жив!
О кто мне нашепчет,
В какой колыбели лежишь!
Жемчужные зерна,
Кисейная сонная сень.
Не лавром, а терном
Чепца острозубая тень.
Не полог – а птица
Раскрыла два белых крыла.
– И снова родиться,
Чтоб снова метель замела?
Рвануть его! Выше!
Держать! Не отдать его лишь!
О кто мне надышит,
В какой колыбели лежишь!
А может быть ложен
Мой подвиг и даром – труды.
Как в землю положен,
Быть может – проспий до трубы.
Огромную впалость
Висков твоих – вижу опять.
Такую усталость –
Ее и трубой не поднять!
Державная пажить,
Надежная, ржавая тишь.
Мне сторож покажет,
В какой колыбели лежишь.
22 ноября <5 декабря> 1921

«Как по тем донским боям...»
С. Э.

Как по тем донским боям, –
В серединку самую,
По заморским городам
Всё с тобой мечта моя.
Со стены сниму кивот
За труху бумажную.
Всё продажное, а вот
Память не продажная.
Нет сосны такой прямой
Во зеленом ельнике.
Оттого что мы с тобой –
Одноколыбельники.
Не для тысячи судеб –
Для единой родимся.
Ближе, чем с ладонью хлеб –
Так с тобою сходимся.

Не унес пожар–потоп
Перстенька червонного!
Ближе, чем с ладонью лоб
В те часы бессонные.
Не возьмет мое вдовство
Ни муки, ни мельника..
Нерушимое родство:
Одноколыбельники.
Знай, в груди моей часы
Как завел – не ржавели.
Знай, на красной на Руси
Всё ж самодержавие!
Пусть весь свет идет к концу –
Достою у всеночной!
Чем с другим каким к венцу –
Так с тобою к стеночке.
– Ну–кось, до меня охоч!
Не зевай, брательники!
Так вдвоем и канем в ночь:
Одноколыбельники.
30 ноября <13 декабря> 1921

«Так, Господи! – И мой обол...»
Так, Господи! – И мой обол
Прими на утвержденье храма.
Не свой любовный произвол
Пою – своей отчизны рану.
Не скаредника ржавый ларь, –
Гранит, коленами протертый!
Всем отданы герой и царь,
Всем: праведник – певец – и мертвый.
Днепром разламывая лед,
Гробовым не смущаясь тесом,
Русь – Пасхою к тебе плывет,
Разливом тысячеголосым.
Так, сердце, плачь и славословь!
Пусть вопль твой – тысяча который?
Ревнует смертная любовь.
Другая – радуется хору.
2 <15> декабря 1921

Ахматовой
Кем полосынька твоя
Нынче выжнется?
Чернокосынька моя!
Чернокнижница!
Дни полночные твои,
Век твой таборный...
Все работнички твои
Разом забраны.
Где сподручники твои,
Те сподвижнички?
Белорученька моя,
Чернокнижница!
Не загладить тех могил
Слезой, славою.
Один заживо ходил –
Как удушенный.
Другой к стеночке пошел
Искать прибыли.
(И гордец же был – сокóл!)
Разом выбыли.
Высоко твои братья!
Не докличешься!
Яснооконька моя,
Чернокнижница!
А из тучи–то (хвала –
Диво дивное!)

Соколиная стрела,
Голубиная...
Знать, в два перышка тебе
Пишут таютка,
Знать, уж в скорости тебе
Выйдет грамотка:
– Будет крылышки трепать
О булыжники!
Чернокрылонька моя!
Чернокнижница!
16 <29> декабря 1921

1922

«Первородство – на сиротство!..»
Первородство – на сиротство!
Не спокаюсь.
Велико твое дородство:
Отрекаюсь.
Тем как вдаль гляжу на ближних –
Отрекаюсь.
Тем как твой топчу булыжник –
Отрекаюсь.
* * *

Как в семнадцатом-то,
Праведница в белом,
Усмехаючись стояла
Под обстрелом.
Как в осьмнадцатом-то
– А? – следочком ржавым
Всё сынов своих искала
По заставам.
Вот за эту-то – штыками!
Не спокаюсь! –
За короткую за память –
Отрекаюсь.
Драгомилово, Рогожская,
Другие...
Широко ж твоя творилась
Литургия...
А рядочком-то
На площади на главной,
Рванью-ключьями
Утешенные, лавром...
Наметай, метель, опилки:
Снег свой чистый.
Поклонись, глава, могилкам
Бунтовщицким.
(Тоже праведники были, –
Не за гривну!)
Красной ране, бедной праведной
Их кривде...
* * *

Старопрежнее, на свалку!
Нынче, здравствуй!
И на кровушке на свежей –
Пляс да яства.
Вот за тех за всех за братьев
– Не спокаюсь! –
– Прости, Иверская Мати! –
Отрекаюсь.
30 декабря 1921

<12 января 1922>

«Пуще чем женщина...»
Пуще чем женщина
В час свиданья!
Лавроиссеченный,

Красной рванью
Исполосованный
В кровь –
Снег.
Вот они, тесной стальной когортой,
К самой кремлевской стене приперты,
В ряд
Спят.
Лавр – вместо камня
И Кремль – оградой.
Крестного знамени
Вам не надо.
Как –
Чтить?
Не удостоились «Со святыми»,
Не упокоились со святыми.
Лавр.
Снег.
Как над Исусовым
Телом – стража.
Руки грызу себе, – ибо даже
Снег
Здесь
Гнев. – «Проходи! Над своими разве?!»
Первою в жизни преступной связью
Час
Бьет.
С башни – который? – стою, считаю.
Что ж это здесь за земля такая?
Шаг
Врос.
Не оторвусь! («Отрубите руки!»)
Пуще чем женщине
В час разлуки –
Час
Бьет.
Под чужеземным бунтарским лавром
Тайная страсть моя,
Гнев мой явный –
Спи,
Враг!
31 декабря 1921

<13 января 1922>

Новогодняя
С. Э.

Братья! В последний час
Года – за русский
Край наш, живущий – в нас!
Ровно двенадцать раз –
Кружкой о кружку!
За почетную рвань,
За Тамань, за Кубань,
За наш Дон русский,
Старых вер Иордань...
Грянь,
Кружка о кружку!
Товарищи!
Жива еще
Мать – Страсть – Русь!
Товарищи!
Цела еще
В серд – цах Русь!
Братья! Взгляните в даль!
Дельвиг и Пушкин,
Дел и сердец хрусталь...

– Славно, как сталь об сталь –

Кружкой о кружку!

Братства славный обряд –

За наш братственный град

Прагу – до – хрусту

Грянь, богемская грань!

Грянь,

Кружка о кружку!

Товарищи!

Жива еще

Ступь – стать – сталь.

Товарищи!

Цела еще

В серд – цах – сталь.

Братья! Последний миг!

Уж на опушке

Леса – исчез старик..

Тесно – как клык об клык –

Кружкой о кружку!

Добровольная дань,

Здравствуй, добрая брань!

Еще жив – русский

Бог! Кто верует – встань!

Грянь,

Кружка о кружку!

2 <15> января 1922

Новогодняя (вторая)

С. Э.

Тот – вздохом взлелеянный,

Те – жестоки и смуглы.

Залетного лебеда

Не обижают орлы.

К орлам – не по записи:

Кто залетел – тот и брат!

Вольна наша трапеза,

Дик новогодний обряд.

Гуляй, пока хочется,

В гостях у орла!

Мы – вольные летчики,

Наш знак – два крыла!

Под гулками сводами

Бои: взгляд о взгляд, сталь об сталь.

То ночь новогодняя

Бьет хрусталем о хрусталь.

Попарное звяканье

Судеб: взгляд о взгляд, грань о грань.

Очами невнятными

Один – в новогоднюю рань...

Не пей, коль не хочется!

Гуляй вдоль стола!

Мы – вольные летчики,

Наш знак – два крыла!

Соборной лавиною

На лбы – новогодний обвал.

Тоска лебединая,

В очах твоих

Дон ночевал.

Тоска лебединая,

Протяжная – к родине – цепь...

Мы знаем единую

Твою, – не донская ли степь?

Лети, куда хочется!

На то и стрела!

Мы – вольные летчики,

Наш век – два крыла!

5 <18> января 1922

«Не ревновать и не клясть...»
Алексею Александровичу Чаброву

Не ревновать и не клясть,
В грудь призывая – все стрелы!
Дружба! – Последняя страсть
Недосожженного тела.
В сердце, где белая даль,
Гладь – равноденствие – ближний,
Смертолюбивую сталь
Переворачивать трижды.
Знать: не бывать и не быть!
В зоркости самоуправной
Как черепицами крыть
Молниеокою правду.
Рук непреложную рознь
Блюсть, костеня от гнева.
– Дружба! – Последняя кознь
Недоказненного чрева.
8 <21> января 1922

«Не похорошела за годы разлуки!..»
С. Э.

Не похорошела за годы разлуки!
Не будешь сердиться на грубые руки,
Хватающиеся за хлеб и за соль?
– Товарищества трудовая мозоль!
О, не прихорашивается для встречи
Любовь. – Не прогневайся на просторечье
Речей, – не советовала б пренебречь:
То летописи огнестрельная речь.
Разочаровался? Скажи без боязни!
То – выкорчеванный от дружб и приязней
Дух. – В путаницу якорей и надежд
Прозрения непоправимая брешь!
10 <23> января 1922

Посмертный марш
Добровольчество – это

добрая воля к смерти...

(Попытка толкования)
И марш вперед уже,
Трубят в поход.
О как встает она,
О как встает...
Уронив лобяной облом
В руку, судорогой сведенную,
– Громче, громче! – Под плеск знамен
Не взойдет уже в залу тронную!
И марш вперед уже,
Трубят в поход.
О как встает она,
О как встает...
Не она ль это в зеркалах
Расписалась ударом сабельным?
В едком верезге хрусталя
Не ее ль это смех предсвадебный?
И марш вперед уже,
Трубят в поход.
О как встает она,
О как –
Не она ли из впалых щек
Продразнилась крутыми скулами?
Не она ли под локоток

Борисоглебский, 6. Из лирического дневника 1914–1922. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

– Третьим, третьим вчерась прикуривал?

И марш вперед уже,

Трубят в поход,

О как –

А – в просторах – Норд-Ост и шквал.

– Громче, громче промежду ребрами! –

Добровольчество! Кончен бал!

Послужила вам воля добрая!

И марш вперед уже,

Трубят –

Не чужая! Твоя! Моя!

Всех как есть обнесла за ужином!

– Долгой жизни, Любовь моя!

Изменяю для новой суженой...

И марш –

10 <23> января 1922

«Верстами – врозь – разлетаются брови...»

Верстами – врозь – разлетаются брови.

Две достоверности розной любви,

Черные возжи-мои-колеи –

Дальнородожные брови твои!

Ветлами – вслед – поднимаются руки.

Две достоверности верной разлуки,

Кровь без слезы пролитая!

По ветру жизнь! – Брови твои!

Летописи лебединые стрелы,

Две достоверности белого дела,

Радугю – в Божьи бои

Вброшенные – брови твои!

10 <23> января 1922

«Завораживающая! Крест...»

Завораживающая! Крест

Накрест складывающая руки!

Разочарование! Не крест

Ты – а страсть, как смерть и как разлука.

Разгораживающий настой,

Сладость обморочного оплыва...

Что настаивающий нам твой

Хрип, обезголосевшая дива –

Жизнь! – Без голосу вступает в дом,

В полной памяти дает обеты,

В нежном голосе полумужском –

Безголосицы благая Лета...

Уж немногих я зову на ты,

Уж улыбки забываю важность...

– То вдоль всей голосовой версты

Разочарования протяжность.

16 <29> января 1922

«Переселенцами...»

Переселенцами –

В какой Нью-Йорк?

Вражду вселенскую

Взвалив на горб –

ведь и медведи мы!

ведь и татары мы!

Вшами изъедены

Идем – с пожарами!

Покамест – в долг еще!

А там, из тьмы –

Сонмы и полчища

Таких, как мы.

Полураскосая

Стальная щель.

Дикими космами

От плеч – метель.

Борисоглебский, 6. Из лирического дневника 1914–1922. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru

– Во имя Господа!
Во имя Разума! –
Ведь и короста мы,
ведь и проказа мы!
Волчьими искрами
Сквозь вьюжный мех –
Звезда российская:
Противу всех!
Отцеубийцами –
В какую дичь?
Не ошибиться бы,
Вселенский бич!
«Люд земледельческий,
Вставай с постелею!»
И вот с расстрельщиком
Бредет расстрелянный,
И дружной папертью,
– Рвань к голытьбе:
«Мир белоскатертный!
Ужо тебе!»
9 <22> февраля 1922

«Сомкнутым строим...»
Сомкнутым строим –
Противу всех.
Дай же спокойно им
Спать во гробех.
Ненависть, – чти
Смертную блажь!
Ненависть, спи:
Рядышком ляжь!
В бранном их саване –
Сколько прорех!
Дай же им правыми
Быть во гробех.
Враг – пока здоров,
Прав – как упал.
Мертвым – устав
Червь да шакал.
Вместо глазниц –
Черные рвы.
Ненависть, ниц:
Сын – раз в крови!
Собственным телом
Отдал за всех...
Дай же им белыми
Быть во гробех.
9 <22> февраля 1922

«Небо катило сугробы...»
Эренбургу

Небо катило сугробы
Валом в полночную муть.
Как из единой утробы –
Небо – и глыбы – и грудь.
Над пустотой переулка,
По сталактитам пещер
Как раскатилось гулко
Вашего имени Эр!
Под занавескою сонной
Не истолкует Вам Брюс:
Женщины – две – и наклонный
Путь в сновиденную Русь.
Грому небесному тесно!
– Эр! – леопардова пасть.
(Женщины – две – и отвесный
Путь в сновиденную страсть...)

Эр! – необорная крепость!
Эр! – через чрево – вперед!
Эр! – в уплотненную слепость
Недр – осиянный пролет!
Так, между небом и небом,
– Радуйся же, малOVER! –
По сновиденным сугробам
Вашего имени Эр.
10 <23> февраля 1922

«А сугробы подаются...»
А сугробы подаются,
Скоро расставаться.
Прощай, вьюг-твоих-приютство,
Воркотов приютство.
Веретен ворчливых царство,
Волков белых – рьянство.
Сугроб теремной, боярский,
Столбовой, дворянский,
Белокаменный, приютский
Для сестры, для братца..
А сугробы подаются,
Скоро расставаться.
Ах, в раззор, в раздор, в разводство
Широки – воротцы!
Прощай, снег, зимы сиротской
Даровая роскошь!
Прощай, след незнам, непытан,
Орлов белых свита,
Прощай, грех снежком покрытый,
По снегам размытый.
Горбуны-горбы-верблюды –
Прощай, домочадцы!
А сугробы подаются,
Скоро расставаться.
Голытьбе с любовью долг
День весенний, звонный.
Где метель: покров-наш-полог,
Голова приклонна!
Цельный день грызет, докучня,
Леденцовы зерна.
Дребезга, дрызга, разлучня,
Бойня, живодерня.
День – с ремень, ноченька куца:
Ни начать, ни взяться..
А сугробы подаются,
Скоро расставаться..
В две руки беру – за обе:
Ну – не оторвуся!
В две реки из ям-колдобин –
Дорогие бусы.
Расколдован, разморожен
Путь, ручьям запродан.
Друг! Ушли мои ворожбы
По крутым сугробам..
Не гляди, что слезы льются:
Вода – может статься!
Раз сугробы подаются –
Пора расставаться!
27 февраля <12 марта> 1922

«Без повороту и без возврату...»
Без повороту и без возврату,
Часом и веком.
Это сестра провожает брата
В темную реку.
Без передыху и без пощады
... ..

Борисоглебский, 6. Из лирического дневника 1914–1922. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
Это сестра оскользнулась взглядом
В братнюю руку.
«По Безымянной
В самую низь.
Плиты стеклянны:
Не оскользлись.
Синее зелье
Всвищет сквозь щели.
Над колыбелью –
Нищие пели:
Первый – о славе,
Средний – о здоровье,
Третий – так с краю
оставил:
Жемчугом сыпать
Вслед – коли вскличут»...
Братняя притопь.
Сестрина причеть.
15 <28> марта 1922

Примечания

1

Эфрон А. С. История жизни, история души: В 3 т. М.: Возвращение, 2008. Т. 3. С. 196.

2

Там же. С. 188, 198.

3

Марина Цветаева в воспоминаниях современников: Рождение поэта. М.: Аграф, 2002. С. 150.

4

Цветаева М. И. Повесть о Сонечке // Собр. соч.: В 7 т. М.: Эллис Лак, 1994. Т.

Борисоглебский, 6. Из лирического дневника 1914–1922. Марина Ивановна Цветаева tsvetaevamarina.ru
4. С. 317.

5

Марина Цветаева в воспоминаниях современников... С. 136.

6

Отечество (нем.).

7

Тайный советник Гёте (нем.).

8

Швабские ворота (нем.).

9

Искусство любви (лат.).

10

Истинная дата написания этого стихотворения – июль 1919 года. Позже, когда Цветаева составляла книгу «Лебединый стан», она поставила его в самом начале и датировала днем отъезда Сергея Эфрона из Москвы в Добровольческую армию. См.: Е. Б. Коркина. Летопись жизни и творчества М. И. Цветаевой. М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 2012. – Ред.

11

Красный флаг, к<отор>ым завесили лик Николая Чудотворца. Продолжение – известно (примеч. М. Цветаевой).

12

Поили: г<оспо>жу де Жанлис. В Бургундии. Называлось «la miaulée». И жила, кажется, до 90-та лет. Но была ужасная лицемерка (примеч. М. Цветаевой).

13

Любили (примеч. М. Цветаевой).

14

Достоверно: под звуки взрывов с Ходынки и стекольный дождь, под к<отор>ым шли – он на эстраду, мы – в зал. Но, помимо этой достоверности – под рокот рвущихся снарядов Революции (примеч. М. Цветаевой).

15 Выбывший из «бывших» (фр.).

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://tsvetaevamarina.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!